

05,4

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ„Театръ
и
Искусство“.Съ доставк. и перес. на
годъ 7 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по
20 к. Объявл.—30 к. со
стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печеновой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гопорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1903 г. VII годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 12 Января.

СОДЕРЖАНИЕ: Страхование театральной публики.—Замѣтки.—На днѣ и на вершинѣ. С. Л.—Театръ въ Цетиньѣ. П. Россіева.—Царь Салтанъ. И. Кнорозовскаго.—Хроника театра и искусства.—Воскрешенная старина. Н. Э.—Музыкальныя замѣтки. И. Кн—аю.—Театральныя замѣтки. А. Куделя.—Приспособленный. Ноты погис.—Харьковскія письма. I. Тагаридова.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки: «Воскресеніе» въ театрѣ «Одеонъ», Адельгейма въ роли Бень-Акибы, «Пешное

№ 3.

дѣйство» въ моск. лит.-худ. кружкѣ, «Бѣдный Генрихъ», «На днѣ» въ Худож. театрѣ, 3 рис. къ ст. «Театръ въ Цетиньѣ», Толстый Генрихъ и бѣдная Оттегебе (шаржъ), Испанскій танецъ.

Портреты: г-жъ Огинской, Струсь, † И. М. Воронковскаго, † И. А. Салова, Ванъ-Дейка, Отто Эрнста.

Ноты: 1) Э. Я. Длусскаго, Аріозо изъ оп. «Романо»; 2) Ф. Кирхнера, «Requiescant in pace»; 3) Евг. д'Альбера, «Ich war ein Blatt» и 4) П. Юона, «Berceuse».

Продолжается подписка на 1903 годъ
НА ЖУРНАЛЬ

„Театръ и Искусство“
(VII годъ изданія).

52 №№ журнала.

24 книги „Библиотеки“, въ которыхъ будетъ помѣщено около 30 новыхъ пьесъ.

* Книжки (сброшюрованныя, въ обложкѣ) будутъ выходить около 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

2—3 выпуска „Словаря сценическихъ дѣятелей“.

12 нотныхъ приложеній.

Подписная цѣна 7 р. годъ. 4 р. полгода.

* Разсрочка допускается на слѣдующихъ основаніяхъ 3 р. при подпискѣ и по 2 р. 1 апрѣля и 1 іюня.

Адресъ главной конторы:

С.-Петербургъ, Моховая, 45.

Полные, со всѣми приложеніями, экземпляры журнала за 1902 г. высылаются за 7 р., пересылка за счетъ выписывающаго.

Выпуски словаря сценическихъ дѣятелей (I—IX) для гг. подписчиковъ продаются за 2 руб.

Вторая книжка „Библиотеки“ за Января будетъ приложена къ 4 №.

С.-Петербургъ, 12 Января 1903 г.

Въ первомъ № журнала „Страховыя Новости“ находимъ статью „о несчастныхъ случаяхъ въ театрахъ“. Почтенный журналъ, само собою понятно, нѣсколько сгущаетъ краски, въ интересахъ страхового дѣла. Его интересуется не столько вопросъ „о предотвращеніи несчастныхъ случаевъ“ и „антипожарныя мѣры, сколько „способы матеріальнаго обез-

печенія несчастныхъ калѣкъ и несчастныхъ сиротъ“. Съ этою цѣлью страховой органъ предлагаетъ „обязательное страхование отъ несчастныхъ случаевъ во время пожара посѣтителей, всякаго рода зрѣлищъ и увеселеній“.

Какъ извѣстно, петербургское городское Попечительство о народной трезвости страхуетъ отъ несчастныхъ случаевъ не только театральныя персоналы, но и всѣхъ посѣтителей своихъ театровъ. Мѣра эта, конечно, полезная и предусмотрительная. Но отсюда до обязательности страхованія—дистанція огромнаго размѣра, и попытка „Страховыхъ Новостей“ обосновать эту обязательность не только на мотивахъ разумной попечительности, но и на постановленіяхъ нашего закона—представляется намъ опять-таки нѣсколько „сгущенной“ въ интересахъ страхового дѣла.

По мнѣнію журнала, ст. 684 ч. 1 т. X устанавливаетъ такую обязательность. Статья возлагаетъ обязанность „всякаго вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-либо его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе и не составляли ни преступленія, ни проступка, если только будетъ доказано, что онъ не былъ принужденъ къ тому требованіями закона или правительства, или необходимою личной обороной, или же стеченіемъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ предотвратить“, а ст. 683—предоставляетъ полную возможность увѣчнымъ или сиротамъ отыскивать свои матеріальныя убытки съ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій.

На этихъ зыбкихъ основаніяхъ страховою журналомъ строится отвѣтственность театрального предпринимателя предъ публикой за увѣчье и убытки, причиненные пожаромъ. Если бы страховою органъ былъ знакомъ съ театральными контрактами, то немедленно бы убѣдился, что пожаръ, разру-

Библиотека
А. В. ДУНАЧАРСКОГО

шающий зданіе, уничтожаетъ даже силу договоровъ со служащими. Тѣмъ болѣе странно было бы возлагать на антрепренера отвѣтственность предъ пострадавшей публикой—хотя и чисто платоническую отвѣтственность, въ чемъ сознается и самъ журналъ.

При чемъ тутъ театральныи предприниматель, во всякомъ случаѣ? Страховой органъ, въ интересахъ своего страхового дѣла, умышленно закрываетъ глаза на то, что собственникъ театральнаго зданія въ большинствѣ случаевъ не есть собственникъ театральнаго предпріятія. Мы говоримъ, что это умышленный недосмотръ, потому что въ противномъ случаѣ устанавливается полная аналогія между домовладѣльцемъ и собственникомъ театра. Домовладѣльцы не отвѣчаютъ ни за убытки, ни за увѣчья, причиненные жильцамъ ихъ дома пожаромъ. Это—ясное положеніе повседневной практики. Но если перенести отвѣтственность съ собственника театра на предпринимателя, то является нѣкоторая возможность „сгустить“ вопросъ и создать почву для страховой операціи.

Журналъ общается вернуться къ этому вопросу и объяснить, какимъ образомъ „частная инициатива“ (о правительственной журналъ не находитъ возможнымъ говорить въ настоящее время) можетъ использовать принципъ страхованія публики. Подождемъ поясненій страхового журнала. Но и безъ нихъ дѣло довольно ясно. Можно застраховать каждаго посѣтителя, накинувъ, по расчету, на каждый театральныи билетъ. Можно страховать зданіе, включивъ сюда страхованіе средней цифры посѣтителей. Не думаемъ чтобы самая форма представляла затрудненія, но увѣрены въ томъ, что такое страхованіе ляжетъ новымъ бременемъ на театръ, не давъ ему взаимнѣ ни одного лишняго посѣтителя.

Единственная форма страхованія, которую можно принять безъ видимаго ущерба для театральнаго дѣла,—это самостоятельное, разовое страхованіе отдѣльнаго посѣтителя, по образцу страхованія желѣзнодорожныхъ пассажировъ. Но и въ этомъ случаѣ страховой кіоскъ у театральнаго кассы будетъ неприятнымъ тemento mori, отравляющимъ вкусъ публики.

Вообще-же случаи несчастій съ людьми въ театрахъ такъ рѣдки, что едва ли весь этотъ вопросъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Почтенный журналъ, общающійся впереди еще цѣлую серію статей по этому вопросу, рискуетъ, по французской поговоркѣ, perdre son latin.

Въ ростовской газетѣ „Приаз. край“ мы читаемъ:

Постоянно приходится слышать сѣтованія театральныи дѣятелей—антрепренеровъ, режиссеровъ и артистовъ, а также и представителей публики на то, что отзывы о театрѣ, помѣщаемые на столбцахъ газеты, являются сплошь и рядомъ субъективнымъ мнѣніемъ пишущаго, которое вовсе необязательно, да зачастую и не раздѣляется значительнымъ большинствомъ. Та или другая оцѣнка артиста, пьесы, постановки,—утверждаютъ недовольные голоса,—производится будто бы отъ имени общественнаго мнѣнія, а между тѣмъ, оно-то на самомъ дѣлѣ безмолвствуетъ и, если не протестуетъ, то только потому, что лишено возможности протестовать. Въ этомъ есть нѣкоторая доля справедливости.

Соглашаясь съ этимъ, газета рѣшается предпринять опросъ публики, которой предлагается выразить свое мнѣніе по поводу ростовскаго театра (драматическая труппа С. И. Крылова). Газета проситъ всѣхъ отмѣтить пьесы, постановка которыхъ желательна, сдѣлать даже оцѣнку исполненія, указать на артистокъ и артистовъ, которые нравятся, дать общій отзывъ о постановкѣ дѣла, указать промахи и недочеты, желательныя улучшенія и пр. и пр.

Такимъ образомъ на публику возлагается роль судьи,—и даже не на публику, въ смыслѣ suffrage

universel, что могло бы дать картину большинства, а на случайныхъ, встрѣчныхъ и поперечныхъ. Сама газета признаетъ, что театральная публика всегда разбивается на отдѣльные кружки и партіи, и единства мнѣнія у различныхъ слоевъ общества, наполняющихъ театральную залу, существовать не можетъ. Если это такъ, то что же дастъ этотъ „опросъ“, который дѣлу не поможетъ, а способенъ только портить кровь актерамъ и антрепренеру?

Мы уже неоднократно отмѣчали курьезы, которые встрѣчаются въ мнѣніяхъ, высказанныхъ членами разныхъ театральныи комиссій. А въдѣ въ члены этихъ комиссій—какъ ни какъ—избираются все-таки люди, интересующіеся театромъ, и знакомые съ нимъ болѣе, чѣмъ толпа, которую газета призываетъ въ судьи...

Нѣтъ, это путь опасный, неправильный и ложный. Истина рѣдко бываетъ удѣломъ большинства, тѣмъ болѣе художественная истина.

Когда же и большинства нѣтъ, а только случайныя мнѣнія случайныхъ единицъ, не то отъ бездѣлья, не то отъ дѣла, готовыхъ излагать любительскимъ перомъ свои откровенія,—это и совсѣмъ ненужное и пошлое дѣло. Провинціальная печать такъ серьезно, въ общемъ, относится къ задачѣ печатнаго слова, что, надо думать, „Приазовскій Край“ самъ убѣдится въ несерьезности своей затѣи.

По предварительному подсчету операцій по охраненію авторскихъ правъ при Т. О. за истекшій годъ выручено около 20,000 руб. противъ 9,000 руб. за 1901 г.

В. Н. Киселевичъ, открывшій въ Одессѣ театръ „на подобіе Художественнаго“, дѣло прекратилъ. Отъ актеровъ поступаютъ жалобы на неплатежъ жалованья. Совѣтъ Театральнаго Общества принялъ мѣры понужденія. Изъ труппы уже раньше выбыли г-жи Соколова, Славина и г. Гинкуловъ.

На днѣ и на вершинахъ.

Низко нависло сѣрое зимнее небо. Безпредѣльная, мѣстами скомканная, равнина растянулась подъ необъятнымъ саваномъ, еле выдѣляясь плоскими, неопредѣленно расплывающимися контурами. Точно брызги грязи, разсыпались по бѣлому покрову темносѣрые пятна деревьевъ. Мѣстами сквозъ зіяющія прорѣхи, точно нарывы, пестрятъ города. Между ними, извиваясь, какъ черви, ползутъ вагоны и локомотивы...

Быстро замираетъ короткій, изжелта-сѣрый сумрачный день; чернымъ покровомъ разстилается тьма, точно гигантскія крылья ночныхъ птицъ рѣютъ въ воздухѣ и гасятъ послѣдніе отблески блѣднаго неба.

Но тамъ, въ этихъ зіяющихъ нарывахъ, что-то непрерывно копошится. Тамъ кипитъ призрачная жизнь и, послѣ тревожнаго дня, ночь вспыхиваетъ лихорадочнымъ блескомъ искусственныхъ огней...

Сезонъ въ разгарѣ. Первое представленіе новой пьесы. Этой пьесы никто еще не видалъ, никто не читалъ. На сценѣ показываютъ «дно жизни»,—дно той смрадной ямы, куда падаютъ всѣ обломки жизни, всѣ ея отбросы, куда опускаются всѣ обезсиленные, всѣ неужившіеся, всѣ выбитые изъ колеи. Эта пропасть не въ глубинахъ преисподней, а тутъ же рядомъ съ нами, подъ нашими ногами. Но мимо нея проходятъ, безглаголиво отворачиваясь, стараясь въ нее не заглядывать, и только благотворительность небрежнымъ движеніемъ изящно «антированной» ручки иногда бросаетъ кость въ эту яму.

Но со сцены все это такъ интересно. Эти мрачныи, закоптѣлые своды ночлежки, этотъ уголокъ

смерднаго двора межъ каменныхъ стѣнъ, эти грязныя лохмотья, эти пестрыя фигуры «бывшихъ людей» — все это вѣрно, типично, реально и... красиво. Да, красиво. Эта гниющая, зияющая язва городской жизни, этотъ смрадъ и ужасъ — искусство превратило въ врѣлище интересное и красивое. Въ самой жутки впечатлѣнія есть своеобразное, острое наслаждение.

Химія умѣетъ изъ вонючихъ отбросовъ извлекать ароматныя эссенціи; искусство самыя ужасы жизни превращаетъ въ элементы красоты и наслаждения...

И нарядная толпа наслаждается ароматомъ художественнаго воплощенія страшныхъ ужасовъ жизни.

Появленіе автора еще подымаетъ и обостряетъ напряженность настроенія...

Этотъ высокій человекъ, въ блузѣ и сапогахъ, съ конфузливой, нѣсколько растерянной улыбкой на блѣдномъ лицѣ, такъ неловко раскланивающийся на безконечные вызовы и восторженные клики, нервно оправляющий падающія на лобъ пряди длинныхъ волосъ, самъ поднялся съ этого дна и принесъ оттуда поэзію своихъ произведеній.

Толпа захвачена силою искусства, покорно отдается настроенію сильной души и порабощена чужой мыслью и чужимъ чувствомъ. Но и онъ, властитель чувствъ, смѣлый и дерзкій, чувствуетъ себя рабомъ этой жадной, жестокой и восторженной толпы.

Среди этихъ перекрещивающихся настроеній, сложныхъ и странныхъ, какъ сама жизнь, разыгрываются эпизоды изъ исторіи человѣческой души, очутившейся «на днѣ». Скрещиваются гибкія фразы, то озаренныя мягкостью горькаго юмора, то сверкающія неотразимымъ блескомъ сарказма.

Зачѣмъ все это? Зачѣмъ?

— Надо жить честно, — говорить татаринъ-крючникъ.

— Зачѣмъ? спрашиваетъ Сатинъ, очутившійся «на днѣ», отбывъ наказаніе за убійство «подлеца», обидѣвшаго его сестренку.

Надо писать красиво и талантливо, надо играть и обставлять художественно...

Зачѣмъ?

Если добру можно ставить вопросъ «зачѣмъ?», то не съ большимъ ли правомъ можно ставить этотъ вопросъ искусству?

Искусство должно подурмянить душу человѣка. Оно должно красивой и возвышенной ложью поднимать опустившуюся душу, оно должно обаянть прекрасной мечтой выпрямлять скомканное сердце. Пусть жизнь безнадежно мрачна и жестока, пусть

она безысходна, пусть зло царитъ несокрушимо, — утѣшите человѣка мечтой о «праведномъ царствѣ», не говорите ему, что нѣтъ этого царства «на планетахъ». Говорите человѣку, что онъ хорошъ, что онъ гордъ и прекрасенъ, чаще повторяйте ему это, и онъ повѣритъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ хорошъ и, пожалуй, станетъ лучше.

Поднимайте цѣнность человѣка, ибо онъ живетъ для лучшаго.

Странникъ Лука много пережилъ, много видалъ на своемъ вѣку, и онъ охотно, радостно и любовно, устремляется въ самую «гущу жизни», чтобы одному помѣшать, тому помочь.

Лучъ солнца проникъ въ затхлый и мрачный подвалъ, и въ лазурномъ столбѣ обыкновенной пыли закружились золотыя искры, живописно расцвѣтились пестрыя лохмотья, вспыхнули румянцемъ чахлыя души.

Но солнце не застываетъ на одномъ мѣстѣ, лучъ погасъ, золотыя искры потухли, и сѣрая мгла выползла изъ темныхъ угловъ и еще темнѣе и безотраднѣе стало вокругъ, а на задворкахъ, между унылыми громадами каменныхъ стѣнъ, удавился спившійся актеръ, слишкомъ близко принявшій къ сердцу утѣшительную ложь странника Луки...

Въ этомъ послѣднемъ произведеніи Горькаго мнѣ чуетъ поворотъ въ его настроеніи.

Романтическій періодъ освѣщенія «бывшихъ людей» какъ будто проходить, и нѣтъ ужъ намековъ на то, что «бывшіе люди» могутъ стать грядущей силой... Въ нихъ меньше увѣренности, меньше вызова, и они вызываютъ къ себѣ больше жалости и состраданія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ во всей пьесѣ меньше того жизнерадостнаго тона, меньше того бодрого и сильнаго напряженія жизни, которые такимъ бурнымъ, вѣшнимъ потокомъ kloчуютъ во всѣхъ писаніяхъ Горькаго. Прорываются ноты безнадежности и, все усиливаясь, разрѣшаются въ концѣ мрачнымъ пессимистическимъ аккордомъ. Грезны о «праведномъ царствіи», — однѣ лишь бесплодныя мечты, быстро слѣзаютъ румяна съ подурмяненной души, и горе человѣку, когда «тьма низкихъ истинъ» дѣйствительно разрушаетъ «насъ возвышающій обманъ».

На дняхъ въ журналѣ «Народное Благо» былъ перепечатанъ одинъ изъ раннихъ рассказовъ Горькаго, напечатанный нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Нижегородскомъ Листкѣ». Рассказъ этотъ не включенъ авторомъ въ сборники его рассказовъ. Онъ дѣйствительно написанъ довольно слабо, но интересенъ и характеренъ для Горькаго.

Рассказъ называется: «Какъ меня отбрили»... Quasi

— § ТЕАТРЪ „ОДЕОНЪ“. § —



«Воскресеніе» Л. Толстого.

Катюша Маслова въ тюрьмѣ.

una fantasia». Во время бритья герой рассказа бесѣдуетъ со своимъ парикмахеромъ, любителемъ почитать и пофилософствовать. Оказывается, что его именно парикмахеръ не читаетъ. Пробовалъ, но бросилъ, потому что неинтересно, а не интересно потому, что онъ пишетъ все изъ жизни, а не изъ головы, и хотя пишетъ вѣрно, но тошнотворно, ибо «никакого вознесения чувствъ опосля чтенія не возбуждается и никакого подъема духа нѣтъ-съ!» Парикмахеру нравятся только книги съ фантастическимъ содержаниемъ, ибо обыкновенная скучная жизнь ему и безъ того опротивѣла.

— Такъ вотъ-съ изволите видѣть, говоритъ парикмахеръ,—очень мнѣ скучно жить. И жизнь людей я знаю—имъ тоже скучно. Тѣсно-съ, тяжело... Всѣ—въ родѣ какъ бы въ трясинѣ, другъ-друга давятъ, другъ черезъ друга лѣзутъ неизвѣстно куда, и все это безъ всякихъ чувствъ и безъ ума. Смотришь, смотришь... и осточертѣть тебѣ эта канитель тягучая. Куда дѣваться?... Вѣдь живешь сначала-то въ надеждѣ, что съ тобой произойдетъ нѣкоторое событіе, послѣ котораго ты ужъ будешь не тѣмъ, что ты есть. И вдругъ нѣтъ—нѣтъ ничего... Ахъ, какъ это огорчительно!..

И далѣе:

«Живя такой жизнью, безъ всякаго, такъ сказать, глянца, безъ прикрасъ и безъ какого-либо пріятства, какой мнѣ интересъ читать ваши изображенія жизни, которая довольно хорошо надоѣла мнѣ?»

Странникъ Лука и старается навести «глянецъ» на жизнь, внести въ нее «прикрасы»,

И въ этомъ раннемъ произведеніи Горькаго, обнаруживающемъ еще весьма неопытное перо, и въ послѣднемъ его произведеніи, вопросъ вращается все вокругъ тѣхъ же прикрасъ, способныхъ придать «глянецъ» жизни, способныхъ поддурманить обезцвѣченную душу человѣческую.

Тѣмъ низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ,—

твердитъ странникъ Лука, но «обманъ» опора ненадежная, ибо «обманъ» въ концѣ-концовъ раскрывается и потерявшему эту послѣднюю опору человѣку остается только удавиться. Явится ученый, трезвый и разсудительный, и ясно «на плантахъ» докажетъ обманутому человѣку, что никакого «праведнаго царства» нѣтъ и быть не можетъ, ибо и мѣста ему на землѣ нѣтъ.

Однако, такъ-ли это? Вся-ли правда въ заключительномъ безотрадномъ аккордѣ пьесы Горькаго? «Насъ возвышающій обманъ» — дѣйствительно-ли обманъ? Что, если ложь въ «низкихъ истинахъ», а правда именно въ «возвышающемъ обманѣ»?

«Праведное царство» — обманъ; лечебница для алкоголиковъ—можетъ быть обманъ, а можетъ быть и подлинный фактъ, но самъ-то Лука—тоже обманъ?

Но пусть Лука только фантазія, съ которой «низкимъ истинамъ» дѣйствительности считаются необязательно. Пусть такъ. Но самъ Горькій, поднявшійся «со дна»,—уже не фантазія, не «обманъ»; онъ болѣе чѣмъ фактъ, выражаясь языкомъ горбуновскаго рассказа,—«истинное происшествіе»—явленіе несравненное, болѣе крупное и болѣе знаменательное, чѣмъ Лука съ его великолѣпными рѣчами о цѣнности человѣка и о праведномъ царствѣ.

Фантазія—это лишь ослѣпившая насъ неожиданнымъ блескомъ грань дѣйствительности.

Баронъ-босаякъ говоритъ, что въ его жизни никогда не было ничего «настоящаго». А что если этотъ возвышающій человѣка «обманъ» есть не об-

манъ, а самое подлинное нутро жизни, если это именно и есть настоящее?

Предъ нами картина. Тяжелая рѣзная рама. Подрамокъ съ натянутымъ на немъ полотномъ. Полотно сначала загрунтовано, а потомъ покрыто красками, т. е. разноцвѣтной землей, растертой на водяномъ маслѣ. Все это, и рама, и подрамокъ, и полотно, и краски, все это подлинные реальные факты, все это—«низкія истины».

«Обманъ» же,—это то неуловимое, что получается отъ комбинаціи красокъ.

Гдѣ тутъ, въ этой картинѣ, «настоящее» и гдѣ призрачное и преходящее?

Неужели въ несомнѣнно реальной рамѣ, въ холстѣ и краскахъ, а не въ томъ неуловимомъ «обманѣ», который изъ сочетанія свѣта и тѣней создалъ божественное изображеніе?

То же повторяется и въ жизни.

«Тѣмъ низкихъ истинъ» окружающей насъ дѣйствительности слишкомъ привлекаетъ наше вниманіе, она лѣзетъ намъ въ глаза своею грубой осязательной реальностью. Эта область «низкихъ истинъ» кругомъ очень неустроена, и это неустройство слишкомъ многое отнимаетъ отъ жизни, слишкомъ сильно заслоняетъ ея суть, настоящее содержаніе жизни.

Только въ тѣ моменты, когда человѣкъ поднимается во весь ростъ своей души, онъ способенъ поверхъ того, что принято называть дѣйствительностью, и что не болѣе, какъ рама и холстъ, увидѣть настоящую суть жизни.

Человѣкъ, озябшій въ лѣсу, собираетъ сучья и валежники, складываетъ ихъ въ кучу, но если ему не удастся добыть огня, онъ такъ и останется во мракѣ и холодѣ. Лишь огонь, который превратитъ въ ничто всю эту кучу осязательныхъ реальностей, согрѣетъ и освѣтитъ.

Огонь не съ неба свалится и не создастъ ничего новаго. Онъ лишь извлечетъ изъ темной и холодной кучи тотъ свѣтъ и то тепло, которые въ нихъ всегда были и пребываютъ. И вотъ, когда призрачная дѣйствительность тьмою низкихъ истинъ заслоняетъ отъ насъ яркое солнце подлинной, настоящей дѣйствительности,—является искусство и зоветъ насъ, и будитъ насъ, и даетъ намъ силу и смѣлость пріосаниться душевно, и посмотреть въверхъ.

Ибо подлиннымъ языкомъ подлиннаго искусства перекликаются великіе духомъ, головы которыхъ высоко поднимаются надъ призрачными туманами долинъ. Они стоятъ на той же землѣ, подъ ихъ ногами та же почва, но имъ видны далекія вершины человѣческаго духа и они ясно различаютъ возвышающую человѣка правду и унижающій его обманъ.

Они видятъ истинную подлинность всего великаго и возвышеннаго и призрачность всего низменнаго и мелкаго.

А когда они перекликаются высоко надъ нашими головами, когда они выражаютъ свои впечатлѣнія словомъ, звукомъ, кистью или рѣзцомъ, мы получаемъ произведенія искусства...

С. Л.



Театръ въ Цетиньи.

(Изъ черногорскихъ воспоминаній).

Минувшимъ лѣтомъ, скитаясь въ Западной Европѣ, захватилъ я въ Черногорію. Приѣзжаю въ Цетинье, столицу княжества. Въ городѣ всего-на-всего семь улицъ съ переулками, пять площадей и на одной изъ нихъ бѣлѣетъ такъ пазываемый Зетскій домъ; онъ построенъ въ память освобожденія Зетской области отъ владычества турокъ — съ просвѣтительными цѣлями.

Прожилъ я въ Цетинье два дня — завязались знакомства. Еще дорогою я узналъ, что придворный художникъ князя Николая, г. Вербица, учился въ московскомъ Строгановскомъ училищѣ, хорошо говорить по-русски и, будучи весьма любезнымъ человѣкомъ, покажетъ мнѣ всѣ мѣстныя достопримѣчательности и познакомитъ съ профессорами цетиньской высшей школы. Они также питомцы русскихъ высшихъ школъ и рады „русскому лицу“.

— Но профессора, говорю, — кабинетные люди... Тяжелая артиллерія!

— Ничего подобнаго! — послѣдовалъ отвѣтъ: — Подвижные молодые люди... Собственно — они и не профессора, а простые учителя, но, знаете, въ Черной Горѣ каждаго учителя величаютъ профессоромъ.

Точь-въ-точь, значитъ, какъ у насъ на Волгѣ — каждый чувашъ именуется Василиемъ Ивановичемъ. Татаринъ — „князь“; чувашъ — „Василій Ивановичъ“...

Съ г. Вербица мнѣ познакомиться, однако, не довелось, но съ „профессорами“, гг. Поповичемъ и Перовичемъ, познакомился. Оказались впрямь милые люди.

— Видывали вы когда нибудь сербско позориште (сербское театральное представление)? — спросилъ одинъ изъ нихъ.

Я отвѣтилъ отрицательно.

— Въ такомъ случаѣ, побывайте завтра. По случаю женитбы князя Мирка приѣхала труппа актеровъ („играчей“) подъ управленіемъ Гипича и съ завтрашняго дня начинается спектакли.

— А гдѣ?

— Въ Зетскомъ домѣ. Какже, тамъ помѣщается театр!

Въ Зетскомъ домѣ помѣщаются: библіотека, читальня и театр. Вы думаете: это нѣчто примитивное, первобытное, зачаточное? Ничуть не было.

Вообще, идиллическая Черногорія, въ которой князь, подобно французскому королю, сидѣлъ подъ деревомъ и чинилъ правый судъ, — достойно исторіи. Современная Черногорія, породнившаяся съ полъ-Европой, иначе смотреть... Библіотека, читальня и театр, я бы сказалъ, на русскую ногу.

Дверь прямо съ подъезда ведетъ въ зрительный залъ, съ потолка которого спускается люстра съ лампами „молніями“. Мягкая мебель отсутствуетъ; въ переднихъ рядахъ стоятъ стулья, остальные шесть-семь рядовъ — скамейки со спинками. По обѣимъ сторонамъ тянутся ложи бенуара („донья“) и белѣтажа („дорнья“). Надъ ними — галерея. Совсѣмъ, совсѣмъ наша провинціальнѣйшій театръ средней руки.

Княжеская ложа надъ входомъ. Оттого въ белѣтажѣ бываетъ аристократія; и если „донья“ ложа стоитъ 2 р. 40 к., то „дорнья“ — 2 р. 75 к. „Райское“ *стажане* около

12 копѣекъ. „Галерка“, принимая во вниманіе кредитоспособность обывателей, дорога. Вѣдь, напримѣръ, начальникъ почтовой конторы здѣсь получаетъ жалованья рубля четыре въ мѣсяцъ!

Не оттого-ли театръ и посѣщается такъ мало?

По крайней мѣрѣ, на слѣдующій день вечеромъ, и въ послѣдующіе спектакли театръ пустовалъ на три четверти.

— Вы, повидимому, не любите театра? — говорю одному черногорцу.

— Напротивъ, очень любимъ!

— Отчего же не посѣщаете?

— Оттого, что деньги насъ не посѣщаютъ.

Меня предупредили, что „почетакъ у 9 саги у вече“, т. е. начало ровно въ 9 часовъ вечера. И я во-время явился.

Поднимается занавѣсъ, представляющій жанровую картинку. Подъ вѣтвистымъ деревомъ старый гусляръ заплѣлъ подъ аккомпаниментъ однострунныхъ гуслей. Конечно, невеселая его пѣсня. Это не то, что наша былина. Какъ во всякой черногорской пѣснѣ, въ ней звучитъ рыдающій или страстный призывъ. Не ищите мелодій въ черногорскомъ пѣсенникѣ, ни любви. Кто бы ни цѣлѣ: старъ или младъ „юнакъ“ или черногорка, — все равно поютъ:

Туда, туда! За горы голубыя,

Гдѣ моего влстителя былъ дворъ!

Тамъ, говорятъ, собирался въ дни былые

Нашъ вѣчевой, юнацкій нашъ соборъ.

Туда, туда!.. О, Призрѣнь, слава края!

Дай мнѣ взглянуть, побыть въ твоихъ стѣнахъ... и т. д.

То же, несомнѣнно поетъ и сѣдой гусляръ, котораго слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ населяющіе страну народы.

Занавѣсъ поднялся. Начинается комедія, рисующая болѣе или менѣе истинно селскую жизнь западныхъ славянъ. Декораціи представляютъ улицу. Избы (кучи) по сторонамъ. Долженъ сказать, что декораціи писаны талантливейшей рукой. Па нихъ отпечатокъ вкуса и пониманія. Никакихъ отступленій въ сторону декадентства; фантазія художника не залезаетъ и такъ далеко, какъ случилось съ нашими мастерами изъ крѣпостныхъ: Сахара, пески, въ глубинѣ блѣдныя очертанія пирамидъ, а на переднемъ планѣ — „печальная береза“...

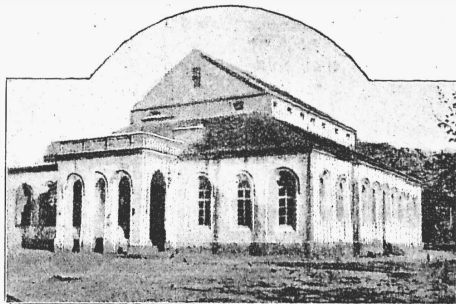
Черногорскій театръ близко напоминаетъ малороссійскій: въ пьесахъ либо изображается сельская жизнь, съ ея тѣсными

укладомъ, налетомъ радостей и горя, либо вспоминается какой нибудь эпизодъ изъ исторіи сербовъ.

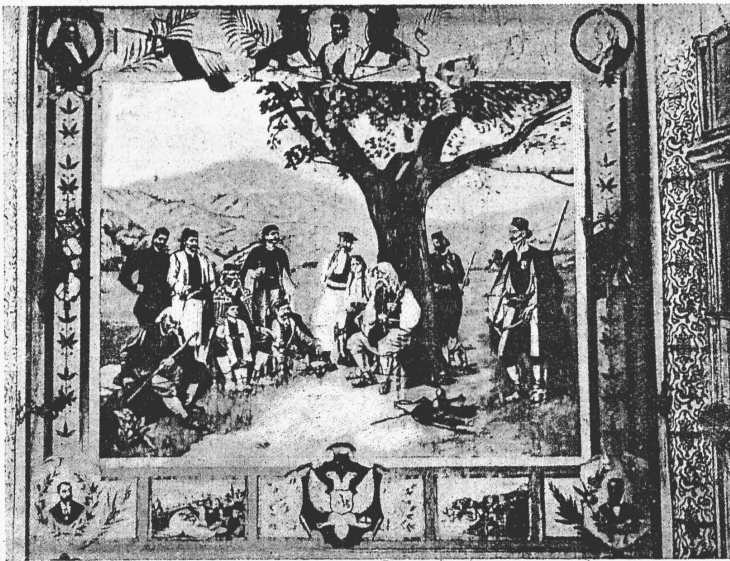
Князь Николай Черногорскій — выдающійся изъ сербскихъ драматурговъ; его произведенія служатъ основаніемъ юнаго сербскаго театра; они же и наибольшій успѣхъ имѣютъ у публики. Въ особенности популярны: „Балканская Царица“ *) и „Князь Арванитъ“. Это гимны героямъ Старой Сербіи. Князь — больше всего бардъ и меньше всего — историкъ. Вотъ почему въ его драмахъ не мало отступленій отъ того, что запечатлѣли историческія скрижали, и священо для ученаго...

Итакъ, началась комедія... Публика примолкла. Наив-

*) Переведена на русскій языкъ и была представлена въ театрѣ, въ Озеркахъ.



Зетскій домъ.



Занавѣсъ.

ная по содержанию пьеса нравилась и вызывала восторги, выражавшиеся аплодисментами и восклицаниями, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сельчане проявляли удалъ и молодечество. Въ числѣ дѣйствующихъ въ пьесѣ лицъ оказался поэтъ, на долю котораго выпало мирить Монтекки и Капулетти. Это, однако, ему не удалось, ибо поначу не отгузали, чтобы не мѣшался „не въ свое дѣло“. И онъ бѣжалъ.

Выстрѣлы одинаково восхищали, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Надо сказать, что черногорки занимаютъ въ партерѣ послѣднія мѣста и въ театрѣ, при встрѣчѣ съ „юнаками“, цѣлуютъ у этихъ послѣднихъ руки. Таковъ обычай, изъ котораго ясно становится положеніе мѣстной женщины.

Оттого-ли, что курица—не птица, а женщина—не человекъ, или потому, что черногорцы не склонны вообще къ сантиментальностямъ, по только интрига въ ихъ драмахъ имѣетъ крошечное значеніе.

— Пьесу на адюльтерѣ или любовныхъ перипетіяхъ построенную, у насъ не стали бы смотрѣть!

— Никакой серьезный сербскій поэтъ и не напишетъ подобной пьесы!

Такъ говорятъ черногорцы.

Непринужденность позъ полная. Какой нибудь зритель сидитъ-сидитъ, какъ принято, и вдругъ кладетъ ноги на скамейку. Или по-восточному усядется. Начинаетъ коптить лампамошія, мирный Ринальдо-Ринальдичи становится на скамейку и, не торопясь, опускаетъ фитиль.

— Опуститъ еще!—слышится громкій голосъ со сѣда.

Ринальдо опускаетъ еще.

— Довольно теперь?

— Довольно.

Княжеская семья присутствуетъ въ театрѣ, „юнакамъ“ горя мало.. Надоѣло смотрѣть, выходятъ изъ зала. Опять захотѣлось, — возвращаются. Здороваются. Разговариваютъ. Смѣются.

Черногорцы дуютъ посмѣяться, хотя смѣхъ ихъ сдержанъ, но не любить морщиться.

— У васъ Гоголь долженъ бы былъ имѣть успѣхъ,—замѣтитъ я въ антрактѣ „профессору“ Перовичу.

— Да онъ имѣетъ у насъ выдающійся успѣхъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Гоголь?

— „Ревизоръ“ и „Женитьба“ вызываютъ гомерическій, не свойственный намъ, хохотъ. „Ревизоръ“ — главнымъ образомъ.

— Отчего бы вамъ не передѣлать въ пьесу „Тараса Бульбу“?

— Мы уже имѣли это въ виду..

Островскій совершенно незнакомъ черногорцамъ.

Спектакли въ Черногоріи оканчиваются не позже 10 1/2 часовъ. Я говорю — въ Черногоріи, такъ какъ, кромѣ цетиньскаго театра, имѣется еще театральныя залы въ Никшичѣ, самомъ юномъ изъ городовъ княжества. Недурная въ смыслѣ ансамбля труппа Гинича, молодого, талантливаго актера, перекочевываетъ изъ столицы въ Никшичъ и обратно, довольствуясь зачастую чуть-ли не акридами и дикимъ медомъ. Ибо сборъ въ восемь—десять рублей считается среднимъ, а о сторублевомъ тутъ и не мечтаютъ.

— Какъ вы живете?

„Балканскіе орлы“ пожимаютъ плечами:

— Да отчего жъ намъ не жить? Есѣ уголь, табакъ, вино, ветчина,—чего же еще?

— Но гдѣ денегъ!

— Они и не нужны. Кушцы отпускаютъ товаръ за шерсть, за овецъ, за табакъ.

Гипербореи блаженные, да и только!

Не подумайте, однако, что никшичскій театральныя залы тѣсны, убоги и вообще курьезны. Ничуть не было! Залъ, какъ залъ. А вонъ гдѣ я, дѣйствительно, видалъ единственный въ своемъ родѣ „храмъ Мельпомены“—это у насъ на сѣверѣ.

Посѣтилъ я Мурманъ, заглянулъ въ Александровскъ, невѣнчановавшійся портъ. Спрашиваю у одного изъ мѣстныхъ жителей:

— Достопримѣчательностей, конечно, никакихъ нѣтъ въ городѣ?

— Анъ есть!

И приводитъ къ одноэтажному деревянному домику:

— Вотъ-съ пожалуйста—уника!

— Шутите... Это—бани.

— Ха, ха!.. Въ этой самой банѣ мы устраиваемъ зимой любительскіе спектакли. Честное слово!

Я думалъ—шутите. Оказалось, правда.

Черногорецъ въ такой бы театрѣ не пошелъ: онъ слишкомъ гордъ!

Павелъ Россеевъ.

„Царь Салтанъ“.

Послѣднею новинкою Частной оперы былъ „Царь Салтанъ“ г. Римскаго-Корсакова. Постановка этой оперы-сказки пришлась на святки и какъ нельзя болѣе кстати. Опера совсѣмъ святочная. Этимъ я отнюдь не хочу сказать,

что оперы, построенныя на сказочномъ сюжетѣ, довлѣютъ болѣе всего святкамъ. Сказочная опера имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и всякая другая художественная форма. Но, какъ говоритъ молиеровскій герой, il y a fagots et fagots. Сказочные сюжеты бываютъ разные и не всякая сказка годится для сценическаго воспроизведенія. Романтическая сказка, напримеръ,—не говоря ужъ о балладахъ или легендахъ—весьма удобно облекается въ драматическую форму—разумѣется, если имѣется налицо драматическая коллизія. По существу своему, романтическая сказка — это бредъ, сонъ или греза *культурнаго* человека. Всѣ стремленія и отношенія дѣйствующихъ лицъ, ихъ думы и чувства, являются здѣсь достояніемъ цивилизованной среды. Ихъ интересы и ощущенія намъ, культурнымъ людямъ, близки и понятны, а потому и перипетіи ихъ драматической судьбы насъ волнуютъ, даромъ что естественное снѣженіе событий нарушается произволомъ фантастическаго элемента. Человеку на всякой ступени развитія хочется порою оторваться отъ повседневности и унести въ міръ смутной мечты. Романтическая сказка и есть тотъ обманчивый міръ видѣній, среди которыхъ культурное человечество ищетъ забвенія отъ докучливой прозы. Рядомъ съ романтической сказкою отлично поддается драматизированію былинный эпосъ. Полуисторическій, полугероическій фонъ, на которомъ разыгрывается борьба, придаетъ фигурамъ дѣйствующихъ лицъ выпуклость и многозначительность. Но есть одна форма народнаго эпоса, которая безусловно не допускаетъ сценическаго воспроизведенія. Это—сказка дидактическая или нравоучительная. Кому интересна младенческая мораль? Кругозоръ первобытнаго человека такъ ограниченъ, его нравственныя понятія такъ бѣдны, его воззрѣнія на міръ и людей такъ наивно-убоги, что намъ трудно проникнуться его интересами. Безильный передъ природою и стихіями, первобытный человекъ повсюду склоненъ видѣть чудеса. Оттого и фабула его сказокъ не только наивна по замыслу, но и переполнена столь странными чудесами, что пропадаетъ всякая иллюзія. Единственное, что въ нравоучительной сказкѣ народнаго эпоса насъ можетъ прельщать это своеобразный складъ эпической рѣчи, полный живописныхъ красотъ, и близость первобытнаго человека къ природѣ, придающая всему его міросозерцанію поэтическую прелесть. Благодаря тѣсному и непрерывному общенію съ матерью-природою, первобытный человекъ научается жить съ нею одною жизнью. Окружающій міръ въ его глазахъ перестаетъ быть мертвою грудой матеріи, а становится дѣятельнымъ организмомъ,

У ЗЕТСКОМ ДОМУ СРПСКО ПОЗОРИШТЕ

ПОД УПРАВОМ Д. А. ТИНИЦА

ДАНАС У ПЕТАК 28 ЈУНА 1902 ПРЕСТАВЉАЊЕ СЕ

У славу Високихъ младенаца — Његовог Височаства Њазза Мирна и Њезиног Височанства Њагича Наталије

ПРВИ ПУТ

НОВ КОМАД

И ПРЕСТАВЉА

ЗА КРСТ ЧАСНИ И СЛОБОДУ ЗЛАТНУ

Драмско слико у 5 чинава и 7 слика написао Р. А. Д.

ПОСВЕЋЕНО

Њиховимъ Височанствима — Њаззу Марку и Њагичу Наталију.

Слика I. ларачи II. слика А. вар. ност га и бројати само?! III. слика Буна IV. слика Хаџи. Прилаз V. слика Арсеније Лом VI. слика Устанак VII. слика Табасије Раџи.

Л И Ц А:

Табасије Раџи, војвода љубички — — — — — Г. Гинич. Прота Матија Винадолич, игла Вилковско, нахоје — — — — — Г. Остричичић.

И Т Ц И Т Д

У Л А З Е Н Ц И Ј Е Н Е

Горње ложе (4 особе) фпир. 3-60. Доње ложе (5 особе) фпир. 3. Срединѣ у партеру I. ред 50 воча. II. ред 40 воча. Срединѣ на галерији 20 воча. Стојале 15 воча.

Галерија сједишта ваџаке у пола цѣјене

Почетак тачно у 9 сати у вече.

Улазнице прено дана могу се добити у управномъ стану а у вече на каси.

Број 2

Преставља 2

А ф и ш а.

одухотвореннымъ, животворящимъ, полнымъ могучихъ силъ и стремлений. Вселенная наполняется призраками его воображенія. Все играетъ и переливается въ радугѣ видѣній. И въ то время, какъ внѣшней природѣ придаетъ онъ свои человѣческія черты, онъ, въ свою очередь, заимствуетъ отъ нея образы для своихъ думъ и представлений. Его внутренній міръ становится отраженіемъ окружающей природы. Понятія его являются уподобленіемъ внѣшнихъ предметовъ. Мышленіе его приобретаетъ какую-то цвѣтущую образность и все его міросозерцаніе охватывается поэзіею и непосредственностью вдохновенія. Но это благоуханіе живой поэзіи сохраняется только въ повѣствовательной формѣ сказки. При драматической же переделкѣ, обороты эпической рѣчи, описанія природы и, вообще, весь букетъ народнаго эпоса исчезаетъ. Что же тогда остается? Мораль первобытнаго человѣка, убогая фабула, сплошная небывальщина? Замѣтите еще, что въ сценическомъ воспроизведеніи всѣ эти особенности выдвигаются еще рельефнѣе и подчеркиваются съ особенною силою...

Какими соображеніями руководствовался г. Римскій-Корсаковъ, при выборѣ сюжета пушкинской сказки для своей оперы—не знаю. Но выборъ этотъ едва-ли случайный. Такъ

морехомъ, ни къ селу ни къ городу пристегнутый къ дѣйствію,—повидимому, для эпической вѣрности... Удивительно и прямо непостижимо, какимъ образомъ «Царь Салтанъ», судя по газетнымъ сообщеніямъ, имѣлъ въ Москвѣ огромный успѣхъ. Впрочемъ, Москва другимъ городамъ не указъ. На всемъ московскомъ—особый отпечатокъ. Вотъ и мимомелодраматическая г-жа Оленина д'Альгеймъ въ Москвѣ принята была съ неописуемымъ восторгомъ, какъ послѣднее слово искусства. Между тѣмъ, г-жа Оленина д'Альгеймъ не болѣе какъ «музыкальный эксцентрикъ», интересный à titre de curiosité, какъ говорятъ французы...

Обращаясь къ музыкѣ оперы, приходится констатировать, что здѣсь, какъ и въ большинствѣ прежнихъ оперъ г. Римскаго-Корсакова, маститый композиторъ производитъ двойственное впечатлѣніе. Композиторская техника г. Римскаго-Корсакова выше всякихъ похвалъ. Въ этой области, послѣ Чайковскаго, г. Римскій-Корсаковъ занимаетъ первое мѣсто среди русскихъ композиторовъ. Его фактура облачаетъ руку перворазряднаго мастера, оркестровыя краски поражаютъ роскошью, яркостью и сочностью письма, свобода музыкальной рѣчи доведена до истинной виртуозности. Къ сожалѣнію, это мастерство обра-

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.



«На днѣ» М. Горькаго.

«Въ ночлежкѣ» Костылева. Сцена 2-го акта. Набросокъ М. А. Демьянова.

надо заключить потому, что, вслѣдъ за «Салтаномъ», г. Римскій-Корсаковъ написалъ еще оперу на однородный сюжетъ—«Кашей-Безсмертнаго». Это указываетъ уже на систему. Если это такъ, то, надо сознаться, система довольно неудачная.

Опера есть, прежде всего, сценическое произведеніе и, какъ таковое, должно обязательно удовлетворять сценическимъ требованіямъ. Младенческій лепетъ нравоучительной сказки, лишенной поэтическихъ покрововъ повѣствовательнаго эпоса, въ лучшемъ случаѣ, едва годится для фееріи. Справедливость этой истины наглядно сказала на первомъ представленіи «Салтана». Публика, съ самаго начала равнодушная къ тому, что происходитъ на сценѣ, подъ конецъ стала изнывать отъ тоски. Шутка-ли, въ теченіе восьми картинъ совершать сплошную небылицу, приправленную дѣтскою моралью. Повременамъ скука переходила въ недоумѣніе. Такъ, напримѣръ, было въ сценѣ, изображающей богатирскій ростъ Гвидона. По сказкѣ, царевичъ Гвидонъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Либретисту пришла мысль—едва-ли счастливая—изобразить это чудо наглядно. И вотъ, царевичъ появляется на сцену сперва въ образѣ ребенка, чрезъ нѣсколько минутъ его олицетворяетъ уже молоденькая статистка, а спустя нѣкоторое время царевичъ изображается ражымъ дѣтиною, выпирающимъ своими могучими боками бочку, въ которой онъ плавалъ съ матерью по морю-океану. Рядъ этихъ метаморфозъ, быстро смѣняющихся одна другою, вызываетъ въ зрительномъ залѣ веселое настроеніе. Не меньшее недоумѣніе вызываетъ и безконечно-длинный и столь же безконечно-скучный діалогъ между старымъ дѣдомъ и ско-

пается лишь на детали, достигающій по временамъ изумительной живописности. Но общая художественная концепція слаба. Тематическая изобрѣтательность г. Римскаго-Корсакова не особенно высокаго качества. Рѣдко удается ему найти счастливыя мелодіи, отличающіяся рельефностью и красотой. Лучшія мѣста въ его произведеніяхъ тѣ, гдѣ онъ пользуется чужими мелодіями, преимущественно народными, которыя, благодаря своему техническому мастерству, онъ умѣетъ облачать въ роскошный музыкальный нарядъ. Вообще, музыкальный орнаментъ составляетъ самую сильную сторону его дарованія. Но построить зданіе одною орнаментикою невозможно. Для истиннаго творчества нуженъ талантъ зодчаго, способнаго обнять существенное наряду со второстепеннымъ, а этого у г. Римскаго-Корсакова нѣтъ, хотя восторженнымъ его поклонникамъ, ослѣпленнымъ блескомъ деталей, непріятно въ этомъ сознаваться.

Лучшія мѣста «Царя-Салтана»—тѣ, которыя вошли въ сюиты того же имени, исполнявшіеся не разъ въ концертахъ, а именно: походъ Салтана, плаваніе бочки по морю-океану и особенно пѣсня: «во саду-ли въ огородѣ». Тема похода, сама по себѣ, безличная, но она превосходно разработана какъ въ увертюрѣ къ первому дѣйствію, такъ и эпизодически въ разныхъ мѣстахъ оперы. Увертюра ко второму дѣйствію, изображающая плаваніе бочки, навѣяна вагнеровскимъ «Waldweben», точно также пѣніе Лебеди составляетъ лишь сколокъ съ пѣсенки птички въ «Зигфридѣ». Такова сила Вагнера. Ему подчиняются даже принципиальные его противники. Вступленіе къ послѣдней картинѣ четвертаго

дѣйствія—музыкальная жемчужина. Прелестенъ мотивъ народной пѣсни: «во саду ли въ огородѣ» и превосходна его обработка у г. Римскаго-Корсакова. Опера написана въ декламационномъ стилѣ. Замкнутыхъ арій нѣтъ, за исключеніемъ дуэта Гвидона и Лебеди, окруженного по формѣ, но лишеннаго лиризма и подъема. Речитативы мало выразительны, страдаютъ безцвѣтностью и не даютъ характеристики героевъ или ихъ душевныхъ движеній. На всей вокальной сторонѣ лежитъ отпечатокъ сѣрости и тусклости. Въ такихъ операхъ роль исполнителей незавидна: не на чемъ выказать свои вокальныя достоинства и негдѣ блеснуть сценическою игрою. Сознательное творчество поневолѣ уступаетъ мѣсто механическому воспроизведенію партій.

Артисты Частной оперы отнеслись къ своей задачѣ старательно и не ихъ вина, если ихъ усилія не увѣнчались успѣхомъ. Наврядъ ли это удалось бы даже исполнителямъ гораздо болѣе одареннымъ. Поставлена опера весьма добросовѣстно и для частной антрепризы, располагающей такою крошечною сценою, какъ блудчико консерваторскаго зала, даже роскошно. Съ иголочки новые костюмы, свѣжія декорации, опрятные аксесуары—все производило отличное впечатлѣніе. Оркестръ, подъ управленіемъ г. Зеленаго, игралъ гораздо грубѣе обыкновеннаго. Впрочемъ, увертюру къ первому дѣйствію пришлось повторить.

И. Кнорозовскій.



† И. М. Воронковскій.
(См. № 2).

ХРОНИКА

театра и искусства.

† В. Р. Шемаевъ. Въ 2 часа ночи 11 января скончался, послѣ долгой болѣзни (легкихъ) Василій Романовичъ Шемаевъ, едва-ли не старѣйшій представитель Александринскаго театра. Въ будущемъ сезонѣ предполагалось торжественное чествованіе 50-лѣтней службы покойнаго. В. Р. Шемаевъ поступилъ на службу 1 апрѣля 1854 г., вслѣдъ за окончаніемъ Театральнаго училища. Съ 1895 г. покойный былъ преподавателемъ въ Театральномъ училищѣ. Казначеемъ и членомъ Совѣта Театральнаго Общества В. Р. Шемаевъ состоялъ съ самаго основанія Общества вспомоществованія сценическимъ дѣятелямъ, изъ котораго образовалось Театральное Общество. Въ этой должности дѣятельность покойнаго сказалась въ величайшей чистотѣ, добросовѣстности и гуманности. Какъ актеръ, В. Р. былъ мало извѣстенъ публикѣ, хотя перенялъ много ролей на своемъ долгомъ вѣку. Назовемъ—Хлопова въ „Ревизорѣ“, Тугоуховскаго въ „Горѣ отъ ума“, Павлина въ „Волкахъ и овцахъ“ и пр. Покойный, какъ говорятъ, велъ полный дневникъ всей театральной и закулисной жизни. Хоронать В. Р. въ понедѣльникъ, 13 января.

* * *

† Л. И. Яковлева. Въ Одессѣ скончалась на-дняхъ Любовь Ивановна Яковлева, вдова суфлера московскаго Малаго театра, Ѳ. П. Яковлева. Покойная получала ежемесячное пособіе изъ суммъ Театральнаго Общества. На средства послѣдняго въ одной изъ одесскихъ гимназій воспитывается дочь покойной.

* * *

† Ѳ. И. Надлеръ. Намъ телеграфируютъ изъ Ковны отъ 8 января: „Сегодня скончался въ Ковнѣ антрепренеръ Надлеръ“. Покойный принадлежалъ къ числу старѣйшихъ русскихъ антрепренеровъ. Антрепренерская дѣятельность его сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на востокѣ Россіи. Прош-

лый сезонъ онъ держалъ Новгородъ. Въ нынѣшнемъ онъ собралъ труппу для Варшавскаго Саксонскаго театра. Сезонъ былъ неудаченъ. Надлеръ былъ извѣстенъ въ качествѣ опытнаго актера. Въ Петербургѣ онъ выступалъ неоднократно. Въ 1900 г. онъ игралъ Императора Франца въ „Орленкѣ“ Ростана. Оставшаяся послѣ Надлера труппа прислала телеграмму съ просьбою выдать ей пособіе на образованіе товарищества.

* * *

Слухи и вѣсти

— На сценѣ Малаго театра пойдетъ комедія Миша «Амазонки», передѣланная изъ Аристофана.

— Изъ труппы Императорскихъ театровъ ушли по прошенію г-жи Нѣгина и Соловьева и принята съ контрактомъ въ 600 рублей въ годъ до чѣ покойнаго артиста г-жа Кострова. Служба г-жи Костровой съ 1-го января.

— Дирекціей Императорскихъ театровъ принята пьеса г. Лугового «Безумная». Въ бенефисъ г-жи Савиной пойдетъ одноактная пьеса А. П. Чехова «Юбилей».

— Пьеса «Сердце королевы» не пойдетъ на сценѣ Новаго театра, въ бенефисъ г-жи Яворской (15 января) будетъ поставлена пьеса Ибсена «Эллида» («Женщина съ моря»).

— Въ будущемъ сезонѣ въ Александринскомъ театрѣ состоятъ бенефисы гг. Корвинъ-Круковскаго и Панчина І. Бенефисъ дается Панчину за 25 лѣтъ службы.

— Новая пьеса М. Горькаго «Еврей», какъ видно изъ названія посвящена быту евреевъ въ Россіи.

— Въ кассу Театральнаго Общества поступило 1,366 руб., вырученные отъ спектакля, даннаго г. Бородаевъ въ кievскомъ городскомъ театрѣ 23 декабря.

— Въ Убѣжище для сценическихъ дѣятелей принята г-жа Аграмова, вдова извѣстнаго режиссера Аграмова, послѣдніе годы служившая въ Кіевѣ. Сообщеніе о Садовниковѣ не совѣсьмъ вѣрно. Г. Садовниковъ помѣщенъ не въ Убѣжище, а въ городскую богадѣльню за счетъ Театральнаго Общества.

— Антрепренеръ русской частной оперы, г. Гвиди, возобновилъ контракты съ болѣею частью труппы и на будущій сезонъ.

— Артистка Литературно-Художественнаго театра, А. П. Андросова опасно больна (брюшной тифъ съ осложнениями). Больная уже около 2 недѣль не покидаетъ постели.

— Число лѣтнихъ театровъ въ окрестностяхъ Петербурга увеличилось еще однимъ, и весьма недурнымъ, устроениемъ большимъ театромъ, г. Базилевскимъ, въ дачной мѣстности «Поповка» по Николаевской жел. дор. Мѣстность эта быстро заселяется, благодаря льготнымъ условіямъ разсрочки. Театръ г. Базилевскаго — крытый, съ рельсами, балками и хорошо оборудованной сценой.

— Въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества репетируютъ теперь новую пьесу А. А. Плещеева «Не послѣдняя» — драму въ четырехъ дѣйствіяхъ. Авторъ ввелъ еще до-бавочную роль. Пьеса на-дняхъ поступитъ въ продажу.

— 17 января исполняется 25-лѣтіе профессорской дѣятельности А. Н. Есиповой. Чествованіе предполагается въ симфоническомъ собраніи.

— 8 января исполнился 25-лѣтній юбилей музыкально-педагогической дѣятельности инспектора петербургской консерваторіи В. М. Самуся.

— Для Василеостровскаго театра опять составляется новая труппа; Я. И. Шмитовъ отказался отъ режиссерства. На Великій постъ составляется товарищество драматическихъ артистовъ, подъ управленіемъ г. Аркадьева.

— По словамъ «Од. Нов.», малороссійская труппа М. Л. Кропивницкаго Великій постъ и Пасху будетъ играть въ театрѣ Неметти.

* * *

24 января исполняется 20 лѣтіе литературной дѣятельности Е. П. Карпова. 24 января 1883 г. была поставлена въ Москвѣ первая пьеса Е. П. «Тяжелая доля», награжденная преміей Вучины. Таже пьеса, впрочемъ, шла въ одномъ провинціальномъ театрѣ 7 января, такъ что послѣдняя дата вѣрнѣе въ юбилейномъ смыслѣ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ появились въ «Русск. Вѣд.» очерки Е. П. Карпова «Въ Таврію», за которыми послѣдовалъ цѣлый рядъ пьесъ: «Вольная птица», «Жизнь привольное», «На земской нивѣ», «Ранняя осень», «Рабочая слободка», «Крокодиловы слезы», «Мирская вдова», «Шахта Георгій» и др. Въ «Русск. Мысли» была напечатана повѣсть Е. П. «На пахотѣ», и нѣсколько другихъ очерковъ и повѣстей изъ народнаго быта разсыяно въ журналахъ восьмидесятыхъ годовъ. По случаю исполняющагося юбилея Е. П. Карпова, въ одномъ изъ петербургскихъ театровъ предполагаютъ 24 января поставить пьесу «На земской нивѣ». Дѣятельность Е. П. Карпова, какъ драматурга, и особенно роль его, какъ руководителя народнаго театра, заслуживаютъ признательнаго вниманія русскаго общества.

Труппа Литературно-Художественнаго Общества, какъ мы слышали, въ день 20 лѣтія литературной дѣятельности

Е. П. Карпова, устраиваетъ своему режиссеру закулисное чествованіе.

* * *

Петербургское попечительство о народной трезвости рѣшило устроить конкурсъ для пьесы на сюжетъ основанія Петербурга, къ предстоящему 200-лѣтнему юбилею города.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы 6 января состоялось первое представленіе „Монны Ванны“ съ г-жей Коммисаржевской. Г. Поповъ поставилъ пьесу толково, красиво, стильно—насколько это было въ средствахъ временнаго театра и временной антрепризы. Что касается г-жи Коммисаржевской, то изъ всѣхъ „измѣненій милого лица“, какъ окрестила портреты артистки газета „Рус. Слово“—это самое неудачное измѣненіе. По сценѣ бродила обыкновенная ingénue, да простится сія банальная формула. Привожу кое-какіе отзывы газетъ.

„Моск. Лист.“ утверждаетъ, что „талантъ Коммисаржевской не соединился съ героизмомъ трагедіи. Пьеса Метерлинка была сама по себѣ, а талантъ артистки—самъ по себѣ. Отъ этого несомнѣнно должно было пострадать общее впечатлѣніе. Но у ея Ванны чудное лицо. Передача текста изобилуетъ тонкою игрой интонацій; движенія, можетъ-быть, излишне порывисты и не всегда въ равной мѣрѣ строго пластичны, что требуется стилемъ пьесы, но красиво и выразительны“.

„Русск. Лист.“ тоже находитъ, что „Джованна—Коммисаржевская прекрасна, какъ Дездемона, изящна, какъ Аріостова Альцина, но не доставало тѣхъ штриховъ, которые необходимы для Ванны-героини, патриотки,—штриховъ, которые-бы приближали Монну къ Жаннѣ д'Аркъ“.

И такъ вездѣ—но, во всѣхъ отзывахъ. Я привелъ самыя лучшіе. Достойно замѣчанія сравненіе съ „прекрасной Дездемоной“. Я видѣлъ г-жу Коммисаржевскую въ Петербургѣ съ Сальвини и не нашелъ, помнится, чтобы она была прекрасна, какъ Дездемона; она была опять современная ingénue, со всѣми ея достоинствами и недостатками.

Здѣсь въ театральныя кружки говорятъ, что артистка расходится съ антрепризою Сабурова и склоняется къ г. Шульцу, рассчитывая (какъ говорятъ), что послѣдній дастъ „болѣе художественное направленіе“ предполагаемому въ Петербургѣ театру. О, la-la! Г. Шульцъ, который возитъ граммофоны, чистокровныхъ вѣнцевъ, фотофоны, фотографии, телеграфы, готовъ возить волосатую дѣвицу Краю, и все что угодно,—этотъ предприимчивый электикъ „создастъ болѣе художественное направленіе“! Говорятъ также, что условія г-жи Коммисаржевской таковы: 12,000 р. за 5 мѣсяцевъ и 1/3 чистаго дохода. Кромѣ „Монны Ванны“ прочіе сборы съ г-жей Коммисаржевской были не полные. Такъ, 1 января „Забавы“ дала всего 780 руб.

Изъ театра Корша ушла г-жа Грановская. Фактъ, собственно говоря, не значительный самъ по себѣ, но приобретающій право на болѣе широкое вниманіе, какъ лишнее доказательство, что успѣхъ артистки, и прочное положеніе ея въ труппѣ нерѣдко зависятъ въ большей степени отъ разныхъ „независящихъ обстоятельствъ“, чѣмъ отъ дарованія. Г-жа Грановская артистка, бесспорно, даровитая, что въ женскомъ составѣ труппы г. Корша, не блещущемъ особенно дарованіями, не могло бы, казалось, не дѣйствоваться... Дебютъ г-жи Грановской былъ встрѣченъ и печатью и публикой весьма одобрительно. И тѣмъ не менѣе г-жа Грановская ничего не играла... Играли безусловно шикарные и условно шикарные артистки, скромная же артистка оставалась безъ дѣла...

На мѣсто г-жи Грановской приглашена г-жа Арсеньева. Затрудняюсь сказать, въ какой степени г-жа Арсеньева шикарна, но служба ея въ Маломъ театрѣ ни ролями, ни лаврами ее не покрывала.

Нельзя не обратить вниманія на новый видъ театральной критики, вводимый у насъ нѣкоторыми газетами. Объ одной пьесѣ пишутъ нѣсколько человекъ, причемъ одинъ пишетъ о пьесѣ, другой объ исполненіи, третій о постановкѣ. Едва-ли пріемъ правильный, едва-ли можно такъ дробить сценическое представленіе на независимыя, другъ другу чуждыя части, чтобы каждую часть разсматривать отдѣльно, независимо отъ другой и съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Задача сцены создавать новое художественное произведеніе. Самая же пьеса, какъ игра артистовъ, обстановка, и все прочее—лишь средства изъ которыхъ создается это новое произведеніе. И разсматривать всѣ эти отдѣльныя части не зависимо другъ отъ друга—едва ли соответствуетъ задачамъ художественной критики. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, говорить объ исполненіи, не объяснивъ предварительно, какъ понимаетъ пьесу. Какъ писать объ исполненіи, какъ оцѣнить игру? Примѣняясь къ собствен-

ному взгляду на пьесу? Но тогда его надо изложить, а изложенъ-то взглядъ посторонняго.

Дѣла на праздникахъ были превосходныя. Театры были переполнены. Вообще, можно признать сезонъ удачнымъ въ смыслѣ сборовъ; даже захудалая оперетка въ Интернаціональномъ театрѣ живетъ и выдерживаетъ конкуренцію съ театромъ Омона. Превосходныя дѣла въ Художественномъ театрѣ. „На дѣѣ“ выручило театръ, который началъ хрипѣть такъ, что даже, при помощи щедро раздаваемыхъ контромарокъ, нельзя было скрыть, что театръ далеко не полонъ. Теперь картина измѣнилась и билеты снова берутся съ бою. Въ Москвѣ циркулируетъ слѣдующая крылатая фраза, брошенная извѣстнымъ драматургомъ и беллетристомъ на первомъ представленіи „На дѣѣ“. При видѣ бѣснованія публики, онъ, видя себя отъ зависти, сказалъ: „Вотъ оно! Вѣчаютъ Гришку Отрепьева на царство!“.

* * *

Московскія вѣсти.

— Въ Маломъ театрѣ былъ поставленъ „Король Генрихъ VII“, ни разу не шедшій въ Россіи. „Русск. Сл.“ говоритъ, «если бы это былъ не Шекспиръ и если бы исполняли его не артисты Малаго театра—это былъ бы очень скучный спектакль». Публики было не особенно много. Изъ исполнителей



† И. А. Саловъ.
(См. № 2).

газеты выдѣляютъ: М. Н. Ермолову (королева Екатерина), гг. Ленскаго (Вольслей), Рыбакова (Генрихъ), Рыжова (Букингамъ). Пьесу ставилъ А. И. Южинъ.

— Е. М. Грановская вышла изъ состава труппы театра Корша и приметъ участіе въ спектакляхъ „Эрмитажа“. На мѣсто г-жи Грановской приглашена г-жа Арсеньева. Принять въ труппу Корша кромѣ того артистъ г. Радина. Въ театрѣ „Эрмитажъ“ идетъ „Внѣ жизни“ В. В. Протопопова. „Каменный вѣкъ“ И. Н. Потапенка идетъ въ первый разъ въ театрѣ Корша въ бенефисъ А. М. Яковлева.

— По словамъ „Моск. Л.“, г. Шульцъ ведетъ въ настоящее время переговоры съ В. О. Коммисаржевской, приглашая ее въ организуемую имъ драматическую труппу, которая до поста будетъ играть въ Петербургѣ и затѣмъ въ Москвѣ.

— О. И. Шаляпинъ заболѣлъ (нарывы въ горлѣ). Всѣ объявленные съ его участіемъ спектакли и концерты отодвигаются на неопредѣленное время.

— Спектакль въ пользу убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ, съ участіемъ артистовъ петербургскихъ казенныхъ театровъ, состоится 25 января.

— Въ театрѣ „Акваріумъ“ на второй и третей недѣлѣ Великаго поста состоится спектакли труппы М. Г. Савиной.

* * *

Г. Сабуровъ снялъ на Пасху московскій интернаціональный театръ для комедіи и фарса. Съ 1 апрѣля предполагается поѣздка: Тула, Орелъ, Кіевъ, Елисаветградъ, Николаевъ. Съ 15 мая все лѣто—Одесса.

* * *

Маринскій театръ. Съ пріѣздомъ на гастроли извѣстнаго тенора Ванъ-Дейка въ репертуаръ нашей оперной сцены преобладаютъ произведенія Вагнера. Первый выходъ пѣвца состоялся 2 января въ оперѣ „Лоэнгринъ“. Попрежнему Ванъ-Дейкъ оригинальный толкователь вагнеровскихъ идей. Но

когда-то красивый голосъ значительно поблекъ. Онъ не развѣтывается уже во всю свою полноту, хотя пѣвецъ и прибѣгаетъ иногда къ форсировкѣ. Только большое искусство позволяетъ артисту обходить трудные моменты вагнеровскихъ партій, не пасуя предъ ними окончательно.

Лишь въ квинтетѣ 1 акта да въ речитативѣ надъ повергнутымъ Тельрамундомъ «Жизнь моя въ твоихъ рукахъ» голосъ Ванъ-Дейка какъ-бы отказался ему повиноваться.

Въ сценическомъ отношеніи г. Ванъ-Дейкъ сталъ теперь подчеркивать коренной недостатокъ вагнеровскихъ героев: неправдоподобіе. Герои Вагнера—отвлеченныя, обремененныя какъ бы въ реальные образы.

Очевидно, подъ влияніемъ г. Ванъ-Дейка и г-жа Большка въ роли Эльзы старалась держаться въ предѣлахъ абстрактнаго образа. Исполненіе было какое-то неодоухотворенное, и благодаря этому пропало совершенно плѣнительное аріозо Эльзы во 2 актѣ.

Г-жа Каменская (Ортруда) и г. Тартаковъ (Тельрамундъ) были общедоступны и понятны. Въ исполненіи этихъ артистовъ, въ общемъ бѣдный въ музыкальномъ отношеніи дуэтъ Тельрамунда и Ортруды, приправленный звуками трубныхъ и ударныхъ инструментовъ, произвелъ сильное впечатлѣніе.

7 января Ванъ-Дейкъ выступилъ въ оперѣ «Тристанъ и Изольда». Изъ всѣхъ вагнеровскихъ оперъ «Тристанъ и Изольда» особенно не нравится нашей публикѣ. Поставленная 2 года назадъ эта опера не дѣлала сборовъ и была снята съ репертуара. На этотъ разъ, несмотря на участіе вмѣстѣ съ г. Ванъ-Дейкомъ и г-жи Литвинъ, театръ былъ не полонъ. А барышники предлагали на перебой билеты ниже стоимости въ каскъ.

Причина неуспѣха «Тристана» лежитъ, мнѣ кажется, въ самой структурѣ оперы. Это—не опера, въ томъ смыслѣ, какъ привыкли всѣ понимать, а замаскированная лирическая симфонія, написанная съ преобладаніемъ *одного* настроенія, характеризуемого словомъ «томлѣніе» (Sehnsucht). Самъ Вагнеръ смотрѣлъ на «Тристана», именно, какъ на симфонию, формулируя тему ея такими словами: «Все исчезаетъ, какъ безплотный сонъ: свѣтъ, могущество, слава, блескъ, честь, рыцарство, вѣрность, дружба. Одно лишь живо: томлѣніе и томлѣніе, желаніе не утихающее, но вѣчно возобновляемое... стремленіе и жажда! Одинъ исходъ: смерть, забвеніе, погруженіе въ непробудный сонъ!» Своей композиціи Вагнеръ придалъ настроеніе чего-то безпросвѣтно-меланхолическаго...

Г. Ванъ-Дейкъ и г-жа Литвинъ (Изольда) дали образы холодно-величественныя. Г. Ванъ-Дейкъ съ трудомъ преодолевалъ немощно-высокую партію и заставлялъ вспоминать о г. Ершовѣ съ его колоссальнымъ голосомъ. Г-жа Литвинъ, конечно, прекрасно справилась съ вокальной стороной партіи, но поражала неясностью фразировки. Г-жа Каменская (Брангена) блеснула своими на рѣдкость сохранившимися верхними нотами. Большое удовольствіе доставилъ г. Касторскій, голосъ котораго мощно звучалъ въ партіи Марка.

Несмотря на значительныя купюры спектакль затянулся за полночь.

М.

* * *

Программа 2-го *русскаго* симфоническаго концерта отличалась выдающимся интересомъ: въ нее вошли исключительно новыя, еще нигдѣ не исполнявшіяся сочиненія г. Глазунова, подъ управленіемъ автора. Имя г. Глазунова пользуется почетной и заслуженною извѣстностью. Талантъ его достигъ, въ настоящее время, своего высшаго развитія. Поэтому, казалось-бы, что каждое новое произведеніе г. Глазунова должно возбуждать большой интересъ въ публикѣ. Но почти пустой залъ Дворянскаго собранія доказывалъ, что только небольшой кружокъ музыкантовъ-специалистовъ интересуется твореніями г. Глазунова, что часто и повсюду, въ теченіе почти 20 лѣтъ, исполняемыя сочиненія его до сихъ поръ не нашли себѣ многочисленныхъ поклонниковъ среди публики. Можетъ-быть, въ послѣднемъ концертѣ, пустота зала отчасти объяснялась также антипатіею публики къ Бѣляевскимъ концертамъ. Но мнѣ кажется, что причина лежитъ и въ самомъ характерѣ дарованія г. Глазунова. Врядъ-ли ему суждено сдѣлаться когда-нибудь столь популярнымъ, какъ, напримѣръ, Чайковский, несмотря на то, что въ сочиненіяхъ г. Глазунова нѣтъ ничего чрезмѣрно глубокаго или непонятнаго для массы. Напротивъ, послѣдніе произведенія его отличаются ясностью и простотой, но именно въ нихъ-то болѣе всего и сказывается недостатокъ того, что болѣе всего дѣйствуетъ на публику, а именно: теплоты, искренности, задушевности. Тѣ сочиненія, гдѣ г. Глазуновъ блещетъ своей виртуозной техникой, гдѣ онъ поражаетъ остроумными приемами оркестровки, благодаря которымъ онъ достигаетъ замѣчательно красивой звучности,—эти сочиненія могутъ доставить истинное наслажденіе, но только немногимъ избраннымъ. Публика же останется холодна, такъ какъ творческому воображенію г. Глазунова не хватаетъ силы, чтобы вполне овладѣть публикой, не хватать задушевности, чтобы затронуть чувство слушателей. Талантъ г. Глазунова принято считать оригинальнымъ. По моему мнѣ-

нію, безусловно оригинальнаго таланта, вообще, не существуетъ, какъ не существуетъ композитора съ исключительно подражательнымъ творчествомъ: въ каждомъ сочиненіи можно найти вліяніе другихъ композиторовъ, равно какъ у каждаго композитора найдется своя характерная черта, можетъ быть, мало замѣтная на первый взглядъ, но которая выступитъ при ознакомленіи съ цѣлымъ рядомъ произведеній одного и того-же композитора. Въ музыкѣ г. Глазунова нѣтъ ничего особенно для него типичнаго. Если сходство его съ другими композиторами не такъ бросается въ глаза, то это объясняется лишь тѣмъ, что музыкальныя мысли г. Глазунова, вообще, не отличаются опредѣленными, ясными очертаніями. Темы г. Глазунова имѣютъ ближайшее родство, а иногда и буквальное сходство, съ темами Вагнера («Мейстерзингеровъ», «Тристана»), Римскаго-Корсакова и Бородина. Особенно первые два композитора постоянно напоминаютъ о себѣ въ сочиненіяхъ г. Глазунова. Дарованіе г. Глазунова не можетъ быть также названо разнообразнымъ. Несмотря на чрезвычайную плодотворность, произведенія его, въ самомъ различномъ жанрѣ, носятъ одинъ и тотъ же характеръ, тотъ-же мелодическій рисунокъ, ту же контрапунктическую ткань и густую звучность оркестровки.

Въ новой, седьмой, симфоніи, г. Глазуновъ, повидимому, пожелалъ отрѣшиться отъ своего прежняго стиля и, прежде всего, обратилъ вниманіе на большую простоту фактуры. Первая часть носитъ пасторальный характеръ, навѣяна частью Бетховеномъ, частью новѣйшими французскими композиторами. Эта часть показалась мнѣ наиболее удачною,—остальные блѣдны и расплывчаты. Въ скерцо выдѣляется средняя часть, появляющаяся затѣмъ, въ видѣ побочной темы финала; характеръ этой темы чисто «мейстерзингеровскій». Интересны также въ скерцо коротенькія фразки, похожія на начало «Сервиліи»—г. Римскаго-Корсакова. Вообще, послѣдняя симфонія значительно уступаетъ, по своей содержательности, тремъ предшествующимъ симфоніямъ. Баллада для оркестра—скуновата и пропитана Вагнеромъ. Настоящей балладой, и притомъ вдохновенной, является первая часть сюиты: «Изъ среднихъ вѣковъ». Это—премудрѣ, изображающій любовную сцену во время морской бури. Въ немъ много истинной музыкальной красоты, много настроенія. Вторая часть сюиты—скерцо—изображаетъ «Пляску смерти». Тема не нова и приемы, къ которымъ прибѣгаетъ г. Глазуновъ, тоже не новыя. Они уже использованы Листомъ, Берлиозомъ и Сенъ-Сансомъ: средневѣковая тема («Dies irae», ксилофонъ, удары деревомъ смычка. Но виртуозность, съ которою г. Глазуновъ пользуется этими средствами, такъ замѣчательна, что и эта, въ сущности, не оригинальная часть сюиты, приковываетъ къ себѣ вниманіе. Серенада трубадура очень однообразна. Финалъ прекрасно звучитъ, но въ немъ мало музыкальнаго содержанія.

Кромѣ этихъ произведеній, были еще исполнены три танца изъ балета «Раймонда», не исполняемыхъ въ Маринскомъ театрѣ. Всѣ они блестяще инструментованы. Г. Глазунову, не безъ увлеченія дирижировавшему, было поднесено 4 вѣнка, и публика, къ сожалѣнію немногочисленная, не скупилась на выраженіе одобренія.

П. Шенкъ.

* * *

Литературно-музыкальный вечеръ, устроенный, 3 января, въ пользу общества вспомоществованія нуждающимся ученикамъ Петровскаго коммерческаго училища, привлекъ значительное количество публики. Менѣе удачнымъ оказался вечеръ въ художественномъ смыслѣ. Помимо перваго русскаго вокальнаго квартета смѣшанныхъ голосовъ (г-жи Гляссеръ, Доре и гг. Гольтисонъ и Павловъ) и г-жъ Кюне-Вальтеръ и Женни Штембергъ, всѣ прочіе участники вечера представляли мало интереса. Смѣшанный квартетъ исполнилъ съ большимъ вкусомъ нѣсколько вещей, въ эффектной переложеніи г. Гольтисона. Г-жа Кюне-Вальтеръ блестяще изобразила (въ сто первый разъ) на арфѣ фантазію на мотивы изъ оперы «Фаустъ» Гуно. Г. Токаревичъ выступилъ съ такими заигранными вещами, какъ легенда и мазурка Венявскаго, и вдобавокъ сыгралъ ихъ изъ рукъ вонъ плохо. Зато отлично прошли вокальные дуэты Рубинштейна, Главача (г-жи Гляссеръ и Доре) и Гродзскаго (гг. Гольтисонъ и Павловъ). Большой успѣхъ выпалъ на долю г. Павлова, который спѣлъ также и соло (произведенія Данилевской, Таскина, Малова и др.): его красивый, мягкій баритонъ очень понравился слушателямъ. Объ остальныхъ изъ снисхожденія лучше умолчимъ.

В. Гр—ній.

* * *

Заграничныя мелочи.

— Извѣстный теноръ Иванъ Решке выстроилъ въ Парижѣ маленький, но необыкновенно роскошно отдѣланный частный театръ, вмѣщающій всего 120 зрителей. Оркестръ расположенъ по образцу байрейтовскаго оркестра. Музыкантовъ будетъ всего 30 человекъ. На спектакляхъ будутъ присутствовать лишь знакомые г. Решке, по специальнымъ приглашеніямъ; посторонняя публика допускаема не будетъ. Театръ откроется 14 апрѣля по новому стилю нигдѣ не игранною «лирическою

комедию» Викторьена Сарду, съ музыкою англичанина Амгорста Веббера. Главныя роли исполняютъ: Иванъ Решке, его жена, Кокленъ младшій, Фужеръ и др.

— Въ берлинскомъ Лессингъ-театрѣ пойдетъ въ февралѣ этого года балетъ подъ названіемъ «Frühlingszauber» музыка котораго написана принцемъ Іоакимомъ Альбрехтомъ Пруссимъ.

— Въ Берлинѣ состоится на этой недѣлѣ нѣсколько гастролей Коклена-старшаго съ его труппою. Между прочимъ будутъ даны: «Tartufe», «Les précieuses ridicules», «L'avare», «Le dépit amoureux». Спектакли будутъ происходить въ королевскомъ Schauspielhaus'ѣ.

* * *

Намъ пишутъ изъ Кіева: 17 января у одного изъ мировыхъ судей предстоитъ разбирательство дѣла, живо интересующаго мѣстный театралъный, да, пожалуй, и общественный міръ. Компаніонъ г. Бородай по антрепризѣ городского театра извѣстный артистъ С. В. Брыкинъ, вслѣдствіе возникшихъ между нимъ и контрагентомъ его недоразумѣній, вчинилъ искъ за то, что г. Бородай пользуется компанейскимъ имуществомъ для своихъ личныхъ цѣлей, именно: беретъ декорациі, бутафорію, мебель и костюмы изъ оперы въ пародный домъ, который эксплуатируетъ

Въ настоящемъ сезонѣ театрѣ въ Гатчинѣ снятъ Е. Л. Дашковой, которая ведетъ свое дѣло весьма добросовѣстно. Театрѣ чистенькій и уютный. Спектакли, очень охотно посѣщаемые мѣстными жителями, обставляются вполне прилично. Такъ 6 января очень удачно была разыграна веселая пьеска «Въ любовномъ лабиринтѣ», причемъ извѣстный любитель В. В. Словаковъ, исполнявшій роль Перелетова, заражалъ весь залъ своимъ неподдѣльнымъ комизмомъ. Его успѣхъ вполне по заслугамъ раздѣляли г-жи Дашкова, Сиверская и г. Мишуринъ.

* * *

7 января въ «Акваріумѣ» состоялось открытіе сезона. Ожидалось, что въ этомъ спектаклѣ выступитъ г-жа Кавальери, но отъ нея, какъ предупредительно сообщили газеты, была получена слѣдующая телеграмма:

«Къ сожалѣнію, я вынуждена буду опоздать своимъ прибытіемъ въ Петербургъ, такъ какъ должна подвергнуться операциі. Прошу извиненія у почтеннѣйшей публики по поводу моего невольнаго опозданія. Надѣюсь встрѣтить съ ея стороны прежнее доброе отношеніе ко мнѣ при моемъ появленіи передъ ея компетентнымъ судомъ».

Одновременно съ телеграммой г-жи Лины Кавальери по-

ГАЛЛЕРЕЯ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ АРТИСТОКЪ.



Г-жа Огинская.
(Астрахань).



Г-жа Струсь.
(Воронежъ).

единолично, дѣлая это безъ вѣдома и согласія г. Брыкина. Говорить, что и декорациі писались для народнаго дома въ оперной декоративной мастерской. Предстоитъ допросъ декораторовъ, бутафоровъ и портныхъ для выясненія этихъ подробностей. Другой искъ предъявленъ г. Брыкинымъ къ Бородаю по компанейскому дѣлу за недачу отчета за прошлый еще годъ. Это дѣло уже будетъ слушаться въ окружномъ судѣ. Вокругъ этихъ двухъ процессовъ возникло много всякихъ невѣрныхъ слуховъ и вымысловъ,—о томъ, будто г. Бородай «выходитъ» изъ кіевского дѣла, опернаго, конечно,—изъ Народнаго дома онъ ушелъ бы съ превеликой охотой, потому что опера дѣлаетъ отличные сборы, а Народный даетъ убытки. Говорятъ, что компаніоны г. Бородай по эксплуатаціи «дома» оказались гдѣ-то за предѣлами Кіева, и такимъ образомъ весь рискъ предпріятія легъ всецѣло на г. Бородай, неожиданнаго вообще столь плохихъ дѣлъ.

Праздники въ театрѣ «Соловцовъ» прошли посредственно въ смыслѣ сборовъ. Репертуаръ былъ составленъ изъ заигранныхъ и вообще мало интересныхъ пьесъ. Выдавался по своему оживленію и подлинному интересу бенефисъ г-жи Строевой-Сокольской, выбравшей «Сафо» Грильпарцера, въ красивомъ переводѣ г. Арбеніна. Талантливая артистка, взяла полный сборъ и была предметомъ горячихъ оваций. Бенефициантка получила цвѣты и цѣнные подарки.

Въ опереткѣ дѣла посредственныя. Поставленное теперь обзорѣніе «Нашъ городъ» представляетъ повтореніе почти прошлогодняго «Revue», составленнаго г. Молдавцевымъ. Г. Новиковъ не унываетъ и начинаетъ будущій сезонъ съ 15 сентября въ томъ же театрѣ Вергонье. Съ 1 ноября тамъ будутъ играть малороссы г. Суходольскаго.

* * *

лучена другая телеграмма, отъ того же числа, отъ профессора Манджіагали.

«Г-жа Лина Кавальери, подвергшись сегодня операциі не будетъ въ состояніи предпринять путешествіе раньше, чѣмъ черезъ двадцать дней».

Хотя болѣзнь г-жи Кавальери не завірена въ италіанскомъ консульствѣ, однако, почтили болѣзнь довѣріемъ.

Открылся сезонъ оперы «Риголетто» съ г. Баттистини, Джильду пѣла тоже старая знакомая—г-жа Олимпія Боронатъ. Новымъ для публики артистомъ явился теноръ Эльвино Вентуро, обладающій обширнымъ по діапазону теноре mezza satattre, хотя и нѣсколько горлового тембра.

* * *

Во вторникъ, 8 января, въ Панаевскомъ театрѣ, въ бенефисъ г-жи Бауэръ шла старая оперетка «Адская любовь». Бенефициантка выступила въ роли дьяволенка, которому пришла шальная мысль промѣнять всѣ блага ада на любовь красавца графа... По внѣшности это былъ изящный чертенокъ, хотя и нѣсколько грузноватый. Голосъ чертенка однако звучалъ неувѣренно и всѣ тѣ аріи—скорѣе оперныя, чѣмъ опереточныя—въ которыхъ дьяволенокъ изливаетъ терзанія сердца, были пропѣты вяло, нехотя, и часто случалось, по адской случайности, что г-жа Бауэръ расходилась съ оркестромъ.

Г. Михайловъ, у котораго также много номеровъ пѣнія, по обыкновенію, имѣлъ шумный успѣхъ, какъ и г. Гордонъ (кажется, новичекъ), голосъ котораго звучалъ прекрасно. Г. Пальмъ и на этотъ разъ остался вѣренъ себѣ: онъ по-прежнему, нещадно хлопалъ себя по животу, безпрерывно дрыгалъ правой ногой и вздымалъ руки «горѣ», повторяя остроу, которыя мы уже такъ часто слышали.

Обставлена оперетка старательно. Сцена на кладбищѣ

когда мертвецы встаютъ изъ могилъ, чтобы судить непокорнаго чертенка, сошедшаго на землю въ образѣ хорошенькой женщины,—поставлена даже, если можно такъ выразиться, реально и способна, пожалуй, подѣлывать на нервы. Но развѣ это такъ необходимо въ опереткѣ? Т. е. заснуть послѣ нея со стѣсненнымъ сердцемъ и во снѣ видѣть «лукаваго» съ мохнатой лапой.

* * *

Театръ „Пассажъ“. Ролью Годды въ «Казни» г. Робертъ Адельгеймъ показалъ, что онъ не только умный актеръ, но и актеръ со вкусомъ и чувствомъ мѣры. Спѣшу оговориться: «вкусъ» г. Роб. Адельгейма казался не въ выборѣ пьесы и роли, разумѣется,—а въ томъ, что изъ такого приторно-пошлаго типа, какъ этотъ интернаціональный пѣвецъ, артистъ сумѣлъ сдѣлать живое лицо, привлекающее внимание не столько грубыми эффектами, которыхъ въ пьесѣ такъ много, сколько наивностью и непосредственностью южанина, нѣсколько ходульнаго, быть можетъ, по природѣ и потому естественнаго и искренняго даже въ своей рисовкѣ. Онъ очень симпатиченъ, этотъ чудакъ Годда! Симпатиченъ потому, что дѣтски наивенъ, несмотря на тогу величія. Особенный успѣхъ имѣютъ пѣсенки г. Адельгейма, которыя онъ поетъ изяшно поставленнымъ и звучнымъ голосомъ. Вообще, пѣнія тутъ много; поетъ и г-жа Тонская (Кэтъ), получая аплодисменты. Пьеса дѣлаетъ хорошіе сборы.

* * *

† Н. П. Спириденко. Въ Кіевѣ скончался баритонъ Н. П. Спириденко. Покойный окончилъ курсъ юридическаго факультета въ университетѣ св. Владимира и въ Кіевѣ получилъ музыкальное образование, послѣ чего былъ принятъ въ составъ Императорской московской оперной труппы. Пѣлъ Н. П. Спириденко также въ Тифлисѣ и др. городахъ. Въ послѣднее время, вслѣдствіе болѣзни горла, Н. П. оставилъ сцену.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Варшава. 27 и 28-го декабря въ Большомъ театрѣ труппой З. И. Черновской и М. И. Чернова была поставлена пьеса Максима Горькаго «Мѣщане». Театръ былъ полонъ. Отзывъ «Варшав. Дневника» одобрителенъ. 30-го декабря по желанію публики пьеса была повторена въ Редутныхъ залахъ Большаго театра.

Вильна. П. П. Струйскій снялъ виленскіе театры и на будущій сезонъ.

Казань. Претендентами на городской театръ съ будущаго сезона 1903—1904 г. явились: артистъ русской оперы Евгеньевъ-Дарскій, антрепренеръ ярославскаго театра М. Каширинъ, М. М. Бородай и г. Соболюшковъ-Самаринъ. Послѣдній согласенъ взять театръ только для драматическихъ представлений, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы аренда была продолжена на трехлѣтіе.

Театральная коммисія предложила городской думѣ сдать театръ г. Соболюшкову-Самарину на три года съ платою по 6 т. р. въ годъ и при условіи эксплуатаціи вѣшалокъ и буфета городомъ. Предложить г. Соболюшкову-Самарину имѣть зимой образовную труппу для драмы, а весной — для оперы. Однако, эти условия г. Соболюшковъ-Самаринъ призналъ для себя тяжелыми и обѣщалъ дать отвѣтъ въ началѣ января.

— Г. Соболюшковъ-Самаринъ въ «В. В.» напечаталъ письмо, изъ котораго приводимъ выдержки:

«Газета «Казанскій Телеграфъ», въ № 3002, — 1-го января, сего года, помѣстила отчетъ о засѣданіи театральной коммисіи, гдѣ, между прочимъ, сообщаетъ мнѣніе коммисіи о составѣ драматической труппы: «Очень хорошъ — г. Галицкій, ничего себѣ — г. Двинскій, хороши безусловно г-жи Днѣпрова и Морская, плоха г-жа Славатинская, остальные артисты не удостоились никакой аттестаціи театральной коммисіи и управы, ихъ обошли молчаніемъ».

«Театральная коммисія извѣщаетъ меня за № 57, что 31-го декабря въ засѣданіи коммисіи сужденія о степени талантливости драматическихъ артистовъ казанскаго театра не было».

— Въ томъ же «Волж. Вѣстн.», подъ заголовкомъ «Новое сказаніе о безпристрастии и правдѣ «Казанскаго Телеграфа», помѣщено еще одно письмо г. Соболюшкова-Самарина:

«Послѣ отъѣзда изъ Казани оперной труппы, въ газетѣ «Казанскій Телеграфъ» появилась замѣтка, которую перепечатали и другія газеты, слѣдующаго содержанія. «3 декабря изъ Казани въ Саратовъ выѣхала оперная труппа. Проводы были шумные, съ обильнымъ возляніемъ. На станціи «Свѣяжскъ», нѣкоторымъ артистамъ не понравился оберъ-кондукторъ Мышкинъ, замѣтившій: «Не торопитесь, господа, садитесь — всѣмъ мѣста хватитъ». Артисты побили Мышкина, о чемъ составленъ полицейскій протоколъ».

Замѣтка чистѣйшій вымыселъ. На служебный запросъ начальника станціи «Казань», изъ Свѣяжска полученъ официальный отзывъ за подписью начальника станціи: «Случай, описан-

наго въ «Казанскомъ Телеграфѣ», на станціи «Свѣяжскъ» не было, не было и ничего похожаго на это». Любопытно, чѣмъ руководствовалась газета, помѣщая эту скандальную и злорадную замѣтку? — вѣроятно, безпристрастіемъ ко мнѣ и моему дѣлу.

— На-дняхъ въ театрѣ ремесленнаго собранія, шла пьеса «Грѣхъ ходить не по міру, а по людямъ». Роль мужа игралъ г. Васильковскій, жены — г-жа Усаченко. Бутафоръ, желая для большаго эффекта усилить звукъ выстрѣла, залилъ зарядъ пороку стеариномъ. Г. Васильковскій произвелъ выстрѣлъ слишкомъ близко, чуть не въ упоръ, въ г-жу Усаченко. Послѣдняя вскрикнула отъ боли, произведенной попавшими ей въ спину кусками стеарина; пострадалъ также и другой любитель, г. Камовъ, подвернувшійся подъ тотъ-же несчастный выстрѣлъ.

Аналогичный случай на-дняхъ произошелъ въ Василеостровскомъ театрѣ съ артистомъ, игравшимъ Вересова въ «Петерб. трущобахъ», который по пьесѣ стрѣляетъ себѣ въ високъ. Зарядъ оказался слишкомъ сильнымъ и артистъ упалъ, обливаясь кровью. Рана, конечно, не смертельна и артистъ отлѣзалъ только довольно чувствительными царапинами. Но все-же безопаснѣе не прибѣгать къ такимъ эффектамъ: краска, которой гримируются артисты, можетъ повести къ зараженію крови.

Кіевъ. Антрепренеръ подольскаго общедоступнаго театра и лужьяновскаго народнаго дома А. Н. Медвѣдѣвъ, понесшій на обоихъ театрахъ значительный дефицитъ, прекратилъ постановку спектаклей и распустилъ труппу, передавъ подольскій театръ товариществу.

Нозловъ. Во время спектакля 19 декабря актеры Пальминъ и Добожинскій позволили себѣ вызвать бывшаго въ креслахъ довѣреннаго отъ общества Русск. Драматич. Писателя и, остановивши его въ корридорѣ партера, обратились со слѣдующею рѣчью: «вы держите себя неприлично въ театрѣ... Когда актеры выходятъ на вызовы, вы не должны обертываться Жаль, что намъ приходится васъ учить. За это мы будемъ бить по физиономіи». Сказали и скрылись.

Нахичевань. С. И. Крыловъ подаль въ городскую управу заявленіе, въ которомъ проситъ разрѣшенія установить на опереточные спектакли бенефисныя цѣны, такъ какъ расходы по содержанію опереточной труппы очень велики.

Пермь. Въ предстоящемъ великомъ посту въ Пермь пріѣзжаетъ на постъ и на Пасху казанская оперная труппа подъ управленіемъ режиссера Н. М. Боголюбова.

Рига. Въ теченіе третьяго мѣсяца нынѣшняго сезона было дано 28 спектаклей, изъ нихъ два — благотворительныхъ. На 26 спектакляхъ было посѣтителей всего 15,566 (ученическихъ платныхъ билетовъ было выдано 1,409, и на 6 утренниковъ безплатныхъ билетовъ для учащихся было выдано 1,435). Сборъ на третій мѣсяцъ 10,551 р. 49 коп.; въ среднемъ на спектакль — 376 р. 85 коп. Наибольшій сборъ полученъ 19 ноября 973 р. 12 к. («Мадамъ Санъ-Женъ», въ бенефисъ г-жи Азгаровой); наименьшій 21 ноября — 102 р. 69 к. (утренникъ).

Ростовъ. Какъ извѣстно, театры въ Новочеркасскѣ и Ростовѣ остались за С. И. Крыловымъ. Труппа наполовину сформирована. Приглашены гг. Людвиговъ, Галицкій, Смирновъ, Д. Ф. Аяровъ, Двинскій, Толскій, Степановъ, В. О. Михайловъ, Шмидгофъ, А. М. Вадимовъ, Борисовъ, Разсудовъ, г-жи Смирнова, Шейндель, Невѣрова, Казанская.

Ярославль. Въ «Сѣв. Кр.» напечатано слѣдующее письмо: «Мы, нижеподписавшіеся, въ виду оскорбленія г. Каширинъ, антрепренеромъ Ярославскаго городского театра, 3 января нашихъ коллегъ не только площадными словами, но даже дѣйствіемъ и, желая оградить себя отъ подобныхъ бурныхъ проявленій его широкой натуры, отказываемся исполнять выходныя роли, какия прежде мы брали на себя». Слѣдуютъ подписи девяти студентовъ.

— Въ отвѣтъ на письмо студентовъ, г. Каширинъ сообщаетъ слѣдующее:

«Во время спектакля 3 января ко мнѣ подошелъ билетеръ съ заявленіемъ, какъ поступить ему со студентомъ, стоящимъ въ проходѣ въ партеръ, который на заявленіе его, что въ проходѣ стоять нельзя по распоряженію администраціи, получалъ площадную ругань. Я просилъ этого студента выйти изъ прохода и показать мнѣ билетъ, желая предоставить ему мѣсто въ ложѣ, предоставленной на этотъ спектакль для учащихся. Билетъ оказался фальшивымъ и притомъ студентъ велъ себя безцеремонно, почему я его просилъ удалиться изъ театра».

Затѣмъ, въ 1 часть ночи, ко мнѣ на квартиру пришли во главѣ съ этимъ студентомъ (фамилія его Немоловскій) еще 4 человекъ. Послѣдовало объясненіе и въ полномъ смыслѣ «извозицья ругань». Тогда, будучи убѣжденъ, что эти лица не могутъ быть студентами, я вышелъ въ корридоръ моей квартиры и крикнулъ, чтобы позвали рабочихъ и выгнали ихъ вонъ. И т. д.

Феодосія. Намъ телеграфируютъ: Орленевъ бросилъ труппу. Оставилъ на произволъ 28 человекъ, Максимовичъ. Рычковскій.

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** (Обыкновенно говорят, что слава художников сцены, как дымъ: исчезаетъ съ нихъ исчезновеніемъ, что потомство можетъ имѣть о нихъ только смутное представление. Это, конечно, прискорбно. Необходимо, чтобы другія искусства припili на помощь сценическому и способствовали увѣковѣченію его дѣятелей. Съ чрезвычайпо отраднымъ чувствомъ отмѣтимъ, что относительно г-жи Яворской это уже и сдѣлано: она увѣковѣчена четырьмя художественными панно въ зрительномъ залѣ и портретомъ „въ натуральную величину“ въ фойѣ Новаго театра, изображающими артистку въ главныхъ созданныхъ ею роляхъ: Фифи, феи Раутенделейнъ, Орленка, „Женщины съ кипжаломъ“ и Лиги. Такимъ образомъ благодарное потомство будетъ имѣть о ней ясное представление, а современные зрители могутъ любоваться очаровательной артисткой и въ антрактахъ между дѣйствіями, имѣть ее постоянно предъ глазами. Художественныя произведенія выдержаны въ стилѣ всего театра и принадлежать художницѣ г-жѣ Юліи Скворцовой и скромному художнику, скрывшемуся подъ инициалами И. Г. Къ сожалѣнію, не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ странностей въ этихъ произведеніяхъ. Намъ кажется, что въ потомкахъ нашихъ не будутъ возбуждать недоумѣніе только декольте въ „Фифи“, и прозрачность костюма Раутенделейнъ совершенно, такъ сказать, ясныя. Но какъ напр. рѣшить потомству, какая собственно была физіономія у артистки? Ибо профиль Фифи совершенно не напоминаетъ головку Раутенделейнъ, какъ бы вырѣзанную изъ плаката или этикетки парфюмернаго магазина, въ свою очередь не похожую на головки Орленка, „Женщины“ и Лиги. Не подумаютъ-ли наши потомки также, судя по головкамъ Орленка и „Женщины“, что физіономія г-жи Яворской была въ сильной степени кривая и весьма страннаго цвѣта? Еще болѣе недоумѣніа, пожалуй, будетъ возбуждать тѣлосложеніе артистки: странно вывернутыя ноги въ Раутенделейнъ съ огромными въ видѣ занятыхъ ступнями, огромная кисть руки въ Орленкѣ, а главное пропорціи, весьма, такъ сказать, вольныя въ отдѣльныхъ частяхъ. Пропорціи эти далеко перешагивали самую „длинную“ изъ классическихъ пропорцій (10 головъ въ фигурѣ). Мы-то понимаемъ, что все это, можетъ быть, художественныя вольности, но не подумаютъ-ли наши потомки, что артистка была не только сценическимъ, но и анатомическимъ феноменомъ? Впрочемъ, это-то и пикантно. Будущимъ изслѣдователямъ театральнаго старини пред-



Ванъ-Дейкъ.

стоитъ не мало работы. Странности въ изображеніяхъ артистки дадутъ не мало пищи для остроумныхъ догадокъ, предположеній, споровъ. Намъ-же ея современникамъ, остается только пожелать, чтобы и остальные простѣйки для панно въ зрительномъ залѣ Новаго театра заполнились подобными же художественными изображеніями артистки въ другихъ созданныхъ ею роляхъ, такъ чтобы, вообще, Новый театръ превратился въ пѣвый храмъ, созданный для увѣковѣченія памяти г-жи Яворской.

А. Р.—св.

*** Какъ извѣстно, г. Шаляпинъ заболѣлъ нарывами въ горлѣ. Бюллетени сообщаются съ такою точностью, что

едва-ли возможно усомниться въ серьезномъ характерѣ болѣзни. Но прошло нѣсколько дней, и въ газетахъ появился слухъ о болѣзни г. Собинова. Можетъ быть, конечно, и г. Собиновъ боленъ, но немножко это все-таки „напоминаетъ“ состязаніе пѣвцовъ“.

Самое же забавное вотъ что: теноръ петербургской оперы г. Давыдовъ, дѣйствительно боленъ горломъ. Но объ этомъ рискованно сообщать, потому что г. Давыдову уже рѣши-

ТЕАТРЪ „ПАССАЖЪ“.



Расфаль Адельгеймъ въ роли Бенъ-Акибы.

тельно никто не повѣритъ. Да никто и не сообщалъ объ этомъ. И пока объ этомъ молчали, въ Москвѣ, повидимому, успѣли воспользоваться „идеей болѣзни горла“, а можетъ быть, и точно заболѣли...

Воскрешенная старина.

Мы всѣ — очень большіе и тонкіе театралы, но очень плохо знаемъ свою театральную старину. Не дай Богъ спутать Эрнста съ Дрейеромъ, или Розенбаха — съ Кистмекеромъ. Залить краска остраго стыда, и почувствуешь все свое ничтожество. Но дѣлые въка русской драмы и театра мы путаемъ съ самымъ легкимъ сердцемъ, и все, что—до Грибоѣдова, представляется однимъ сѣрымъ, безформеннымъ пятномъ. Сколько-нибудь ясно видѣть въ прошломъ того, что дорого въ своемъ настоящемъ, — это должно-бы, думается, быть потребностью каждаго сознательнаго театрала. Не нужно быть историкомъ, но нужно имѣть историческую перспективу. Она значительно осмыслить и прояснить отношеніе къ театру и смягчить остроту любопытства, въ которомъ—злой врагъ спокойной жизни и ровнаго развитія и драмы, и сцены.

Вотъ почему я придаю такое серьезное значеніе попыткѣ Московскаго Литературно-Художественнаго Кружка — дать, при содѣйствіи Общества Искусства и Литературы и нѣкоторыхъ знатоковъ-историковъ, на своей маленькой сценѣ исторію русской драмы, въ живыхъ сценическихъ иллюстраціяхъ. Удастся-ли Кружку и Обществу довести свое дѣло до конца по задуманной широкой программѣ, включающей 10 спектаклей, я не знаю. Трудъ слишкомъ большой и, съ ходячей точки зрѣнія, неблагодарный. Особенно для актеровъ. Не угодно-ли учить стихи Симеона Полоцкаго, переводчиковъ-дѣяковъ Посольскаго приказа, Сумарокова и т. д. Но первый шагъ сдѣланъ великолѣпно, и сейчасъ уже идетъ усиленная работа надъ второй исторической постановкой, воскрешающей театръ Феодора Алексѣевича и Натальи Кирилловны.

Какъ и слѣдовало, начали съ поры Алексѣя Михайловича и его потѣшной храмины въ Преображенскомъ. Была предпринята подъ руководствомъ прив.-доц. Шамбинаго,

цѣлая архивная экспедиція, и въ ея результатъ удалось, не воплѣтъ, такъ достаточно приблизительно, воссоздать обстановку сцены этой погѣшной храминѣ, съ ея дѣлѣмъ на двѣ половины, уступомъ, для „земли“ и „рая“, расписнымъ шпалиромъ и т. д. И въ этой обстановкѣ, съ наивными по старинному декораціями, костюмами, всякой бутафоріей и музыкой, поставлена одна изъ пьесъ Симеона Полоцкаго, его комедія „О царѣ Новуходносорѣ, о тѣлцѣ златѣ и о трехъ отрокахъ, въ печи, не сожженныхъ“, — литературную обработку извѣснаго „пешнаго дѣйствія“, церковнаго обряда. Поставлена съ почти образцовою историческою точностью, съ наивностью общаго тона, съ „прологомъ“, привѣтствующимъ добродѣтельнаго царя Алексѣя Михайловича, который не то — что царь Новуходносоръ. Какого страшнаго труда стоило, должно быть, А. А. Андрееву (предсѣдателю Общества Искусства и Литературы) выучить этотъ предлинный, затѣйливый прологъ, съ его старославянскими оборотами въ пѣсноподобную окраску. Но опъ всепоколѣнью овладѣлъ и интонаціей, и жестомъ, и воображеніемъ съ первыхъ же шаговъ спектакля начинало играть. Старина завладѣвала. Пробужденное историческое любопытство смѣнялось иллюзіей. И такъ на протяженіи почти всего спектакля, занимающаго приблизительно часть времени. Наивная фабула уже занимала и даже по-своему трогала. И это было совершенно своеобразное наслажденіе, потому что въ каждомъ вѣдѣ живетъ все-таки и у насъ любитель старины, только надо его разбудить. Это былъ отличный урокъ по исторіи театра, и я могу только пожалѣть, что опъ былъ данъ лишь небольшому горсточкѣ зрителей, публикѣ двухъ спектаклей. Зала Кружка — мала, а увеличить число спектаклей не оказывается, къ удивленію, возможному. Для комедіи Симеона Полоцкаго потребовалось специальное разрѣшеніе, и оно было обставлено большими строгостями. Комедія, которой забавлялся благочестивѣйшій и тишайшій Алексѣй Михайловичъ, разрѣшена специально Литературно-художественному Кружку, какъ дополненіе, иллюстрація къ лекціи прив.-доц. Шамбинаго. И стоило большихъ хлопотъ устроить вторичный спектакль.

Второй спектакль третьей серіи предполагается въ концѣ января, еще изъ репертуара преображенской „храминки“. Затѣмъ мѣсто дѣйствія должно перейти въ Петровскія ассамблеи. И такъ собираются довести эту историко-театральную картину до „Горя отъ ума“, перебравъ характернѣйшія и наиболѣе крупныя по историческому значенію пьесы.

Спектакли будутъ фотографироваться и зарисовываться, и затѣмъ будетъ изданъ сборникъ этихъ иллюстрацій, съ текстами пьесъ, съ нотами музыки, объяснительными статьями. Это будетъ цѣнный вкладъ въ исторію нашего театра, да и въ исторію быта.

Только бы не оборвалась прежде времени энергія у режиссера спектаклей, г. Арбагова и у его помощниковъ и артистовъ. Во всякомъ случаѣ начато дѣло, котораго нельзя не цѣнить. И Литературный Кружокъ, и Общество Искусства и Литературы могутъ имъ гордиться.

Н. Э.



Музыкальныя замѣтки.

Ежегодно съ Рождества вплоть до Поста консерваторскій залъ оглашается руладами злѣтнѣхъ итальянскихъ соловьевъ. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ въ указанный періодъ, къ великому утѣшенію любителей bel canto, тамъ подвизается итальянская опера г. Гвиди. Въ этомъ году нашимъ итальянomanамъ предстоитъ большое раздѣло: кромѣ консерваторской труппы, другая итальянская опера начала подвизаться въ „Акваріумѣ“. И не то, чтобы въ разные сезоны, а одновременно. Двѣ итальянскія оперы въ одно время, согласитесь, какъ будто бы роскошь, не только лишняя, но и вредная. Одной какой либо труппѣ не сдобровать. Одного изъ двухъ антрепренеровъ неминуемо ждетъ прогаръ. Положимъ, г. Гвиди, какъ капиталистъ, вынесетъ убытокъ, но и въ лучшемъ случаѣ опъ можетъ сказать словами Пирра: „еще одна такая побѣда — и я погибъ“. Характерна здѣсь та легкость, съ какою у насъ возникаютъ нныя антрепризы. Существовало театральное предпріятіе и публики едва хватало, чтобы антрепренеру свести концы съ концами. Казалось бы, при такихъ условіяхъ, конкуренція нѣтъ мѣста. Анъ нѣтъ. Вдругъ, от-

куда ни возмись и съ той стороны, откуда менѣе всего можно было ожидать, налетаетъ импровизированный конкурентъ — и начинается взаимное поѣданіе и самоистребленіе. „Чего-ради?“ — спросите вы: „развѣ онъ самъ себя врагъ?“. Часто это добровольный мученикъ, которому чужіе лавры не даютъ спать. Горькій опытъ и позднее раскаяніе являются единственными возмездіемъ за неудачу. Но часто бываетъ и такъ, что конкурентомъ является такой субъектъ, которому терять нечего. И здѣсь не долга повѣсть. Роковая развязка не заставляетъ себя ждать. Впрочемъ, подобныя „исторіи“ случаются не только въ театральной сферѣ. Сколько возникаетъ такимъ образомъ журналовъ и много другихъ предпріятій!.. Но объ этомъ лишь мимоходомъ. Меня занимаетъ совсѣмъ другая сторона вопроса.

По логикѣ вещей, казалось бы: разъ конкуренція возникла, каждый изъ соперниковъ долженъ превзойти своего противника и, во всякомъ случаѣ, избѣжать его ошибокъ и промаховъ. Но, кромѣ логики вещей, есть еще логика фактовъ и на дѣлѣ происходитъ совсѣмъ другое.

Антреприза г. Гвиди возникла на развалинахъ казенной итальянской оперы. Послѣ уничтоженія казенной оперы, оставшей въ сердцахъ многихъ неудовлетворенную потребность, совершенно естественно, что, въ качествѣ преемника казенной итальянской оперы, г. Гвиди старался сосредоточить въ своей труппѣ тѣхъ самыхъ любимцевъ публики, которые въ дни минувшей славы блистали въ казенномъ театрѣ. Это былъ лучший способъ доказать свою солидность. Такъ и шли годы за годами. Репутація г. Гвиди, какъ продолжателя „блестящихъ традицій“ казенной оперы, установилась несомненно и безспорно, а въ труппу, за небольшими исключеніями, приглашались все однѣ и тѣ-же силы. Драбанты Большого театра одряхлѣли, потеряли голоса, но декабрь мѣсяцъ наступалъ — и почтенные ветераны, какъ пернатые весной, возвращались въ Сѣверную Пальмиру. Изъ новыхъ силъ, въ большинствѣ случаевъ, приглашались или посредственности, или опять таки — на вѣки вѣчныя, на правахъ пенсионеровъ. Знакомся ежегодно съ составомъ труппы г. Гвиди, можно было подуматъ, что знаменитая школа bel canto погибла безслѣдно въ Италіи и тѣмъ не осталось никого, кромѣ послѣднихъ могиканъ казенной оперы. Между тѣмъ, кто бывалъ въ Италіи знаетъ, что это далеко не такъ. Не далѣе, какъ нынѣшнюю осень я проѣзжалъ чрезъ Сѣверную Италію и, несмотря на ранній сезонъ, когда большіе театры еще закрыты, былъ пораженъ обиліемъ превосходныхъ вокальных силъ даже на ничтожныхъ сценкахъ. Изъ русскихъ городовъ италианоманію славится Одесса. Какіе прекрасные пѣвцы подвизаются на сценѣ одесской итальянской оперы! Какое обиліе перворазрядныхъ артистовъ! Спросите любого одессита — и онъ вамъ назоветъ длинный перечень выдающихся пѣвцовъ и пѣвицъ, поддерживающихъ съ блескомъ славу италианскаго искусства. Только г. Гвиди, да его управляющій, г. Угетти, ихъ не знаютъ. Мудрено-ли, что итальянская опера у насъ изъ года въ годъ падаетъ? Но вотъ возникаетъ конкурирующая антреприза. Вы думаете, что, по крайней мѣрѣ, дирекція новой оперы позаботилась исправить грѣхи г. Гвиди и привлечь вниманіе публики новыми выдающимися силами? Нѣтъ, и она не пошла далѣе „старыхъ любимцевъ“. Даже Кавальери, очевидно, специально приглашенная для любителей сенсационныхъ курьезовъ — старая знакомая.

Въ день Нового Года открылись спектакли итальянской оперы г. Гвиди. Для перваго представленія дана была „Аида“. „Ба, знакомые все лица“, — могъ воскликнуть слушатель, пробѣгая афишу. Впрочемъ, на этотъ разъ, какъ будто, есть кое-кто изъ новыхъ. Но цѣнное приобрѣтеніе составляетъ только г-жа Капелли (Аида). Это очень хорошее драматическое сопрано. Голосъ у нея не особенно большой по діапазону и не слишкомъ сильный по звуку, но красиваго тембра и превосходно поставленный. Поетъ артистка музыкально и съ темпераментомъ. Свою роль пѣвица провела умно, съ увлеченіемъ. Незажный теноръ г. Чеки (Радамесъ). У него голосъ небольшой и дурного качества. Ансамбли и всѣ наиболѣе драматическія мѣста въ его безцвѣтномъ исполненіи совсѣмъ пропали. Если „божественный“ Мазини, по случаю вывиха (голоса?), такъ и не пріѣдетъ, то г. Чеки придется выносить на своихъ плечахъ весь репертуаръ — бремя для него непосильное. Г-жа Маркезини (Амнерисъ), обладаетъ густымъ контральто, звучащимъ недурно въ нижнемъ регистрѣ, но въ верхнемъ рѣзко и не совсѣмъ пріятно. Благодаря неумѣлому гриму, артистка казалась гораздо старше своихъ лѣтъ. Остальныя партіи находились въ испытанныхъ рукахъ гг. Аримонди, Бромбара и Фенья. Хоръ и оркестръ вели свое дѣло исправно. Опера хорошо спетована и идетъ гладко. Постановка, какъ всегда у г. Гвиди, чистенькая и безукоризненно тщательная. Публики собралось немного.

Съ большимъ успѣхомъ прошелъ второй спектакль съ участіемъ г. Кашмана и г-жи Арнольдсонъ. Г. Кашманъ тому лѣтъ двѣнадцать подвизался въ труппѣ г. Лаго (или вѣрнѣе г. Мамонтова), въ Панаевскомъ театрѣ. Впечатлѣніе, произведенное тогда его пѣніемъ и игрою, еще памятно нашимъ меломанамъ. Репутацію свою г. Кашманъ поддержалъ и на этотъ

разъ. Голосъ его, пожалуй, немного поблекъ сравнительно съ прежнимъ, но онъ сохранилъ замѣчательное мастерство вокальной школы. Лирическій пѣвецъ по преимуществу, онъ фразируетъ съ изяществомъ и блескомъ. Роль Гамлета въ передѣлкѣ французскихъ либреттистовъ, конечно, очень далека отъ шекспировскаго замысла. Это скорѣ оперный любовникъ, чѣмъ страждущій философъ, но все же г. Кашманъ сумѣлъ найти золотую середину между этими двумя типами: онъ не слишкомъ фатовать для любовника и не слишкомъ сухъ для философа. Всю роль онъ провелъ съ тактомъ и разнообразіемъ отѣнковъ. Вакхическую пѣсенку съ актерами онъ спѣлъ съ блескомъ и вкусомъ. Артистъ имѣлъ огромный и вполнѣ заслуженный успѣхъ. Партія Офеліи чисто колоратурная, между тѣмъ какъ голосъ г-жи Арнольдсонъ—лирическое сопрано. При такихъ условіяхъ, вокальная сторона, въ исполненіи роли Офеліи г-жею Арнольдсонъ, не могла быть свободна отъ существенныхъ погрѣшностей. Пѣвица сплошь понижала въ высокомъ регистрѣ и замѣтно детонировала. Но, въ сценическомъ отношеніи, г-жа Арнольдсонъ дала восхитительный, полный поэзіи, образъ. Внѣшній обликъ, наивный и граціозный, былъ прелестенъ. Сцену сумасшествія г-жа Арнольдсонъ ведетъ съ естественною граціею, не впадая въ грубое манерничаніе большинства исполнительницъ. Позы ея среди балетныхъ группъ изящно задуманы и чужды театральности. Вообще, сцена сумасшествія, по картинности изображенія, такъ и просится на полотно. Замѣ-



Отто Эрнстъ.

Авторъ «Педагоговъ».

Театральныя замѣтки.

14 января исполняется 50 лѣтъ комедіи Островскаго «Не въ свои сани садись». Говорятъ, въ Москвѣ комедія возобновляется на сценѣ Малаго театра. Въ Петербургѣ про возобновленіе ничего не слышно. Для Петербурга Островскій, надо полагать, недостаточно «культуренъ». Раздвоенный между «культурностью» и всяческаго рода «заручками», Петербургъ никогда не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, цѣнить Островскаго.

Обычная фраза — та, что Островскій «устарѣлъ». Я сейчасъ не стану спорить и опровергать это сужденіе. Можетъ быть, для инога культурнаго челоѣка, понимающаго культуру, главнымъ образомъ, въ смыслѣ разныхъ «заручекъ», Островскій точно устарѣлъ, и онъ его уже не чувствуетъ или не склоненъ чувствовать. Я сейчасъ думаю о томъ, что комедія «Не въ свои сани не садись» была напечатана въ мартовской книжкѣ «Москвитянина» за 1853 годъ. «Москвитянинъ» представлялъ, — какъ

— МОСКОВСКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОКЪ. —



«Пещное дѣйство».

чательный король—г. Аримонди. Мощный и мягкій басъ этого превосходнаго пѣвца гармонируетъ съ его монументальною фигурою. Художественная передача роли обличаетъ въ г. Аримонди недюжинный сценическій талантъ. Г-жа Маркезини (Королева), слишкомъ суетилась на сценѣ, вокальная же передача была удовлетворительна. Остальные исполнители, съ г. Феня во главѣ, были вполнѣ на своихъ мѣстахъ.

Эклектическій стиль Тома ставитъ оркестру довольно серьезныя требованія. Въ то время, какъ въ вокальныхъ партіяхъ Тома придерживается итальянской манеры письма, въ оркестровомъ аккомпаниментѣ преслѣдуетъ онъ довольно сложныя задачи. Его сопровожденіе, полное тонкихъ и интересныхъ деталей, требуетъ изящества и благородства исполненія. Оркестръ, подъ управленіемъ г. Пагани, справился со своею нелегкою задачею довольно хорошо. Поставлена опера вполнѣ прилично.

И. Кн—скій.

можно судить по самому названію—весьма опредѣленный журналъ, съ весьма опредѣленнымъ направленіемъ. Онъ и названъ былъ «Москвитяниномъ», потому что и тогда чувствовалось, и пожалуй, больше, чѣмъ теперь, что петербуржецъ страдаетъ, не то тоской по культурѣ, не то по заручкамъ въ прессѣ ли, или въ канцеляріи, и несетъ съ собою безнадежную — не скажу, пустоту—но плоскость, на поверхности которой плаваютъ кое-какіе обрывки, кое-какія перышки, да кое-какой жирокъ, ни дать, ни взять, супъ Хлестакова... «Я, знаете-ли, самъ челоѣкъ русской—говоритъ Вихоревъ Русакову—и признаться сказать, люблю и уважаю все русское; особенно мнѣ нравится это гостепріимство, радушіе». Это «знаете-ли, я самъ челоѣкъ русской» — превосходно. Вихоревъ не то рисуется, не то сни-



сходить, не то льстить въ этомъ «знаете-ли». Оторванность «вихоревщины» отъ русской жизни — такъ очевидна, такъ несомнѣнна, какъ будто разговариваютъ между собою жители разныхъ государствъ. Въдѣ не скажетъ, напримѣръ, французскій шевалье французскому буржуа: «я, знаете-ли, человекъ французской». Да само собой, «французской», а то какой же еще? Но петровская реформа, оторвавшая интеллигенцію отъ народа и создавшая «культурнаго» человека, который, съ одной стороны, вкусилъ отъ плодовъ «цивилизации», а съ другой только и можетъ жить, дышать и существовать при помощи разныхъ «заручекъ» — вполне узаконили и этотъ оборотъ рѣчи — «я человекъ русской» — и этотъ родъ отношеній.

«Новъ» Тургеневъ начинается съ того, что студентъ, Неждановъ, и важный баринъ, Сипягинъ, покупаютъ билеты въ Александринскій театръ, гдѣ дадутъ (увы, давали) комедию Островскаго. Будучи сосѣдями по кресламъ, Неждановъ и Сипягинъ разговариваютъ, и кажется, первому принадлежитъ фраза: — Я не могу простить Островскому, что онъ въ «Не въ свои сани не садись» унилизъ цивилизацію, въ лицѣ Вихорева.

Что Островскій унилизъ Вихорева и вихоревскую цивилизацію, или какъ нынче говорятъ, «культуру» — это несомнѣнно. Мало того, что унилизъ, — онъ нѣсколько сентиментально очертилъ и Русакова, именно въ духѣ «Москвитянина». Добролюбовскій «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ», и вообще-то натянутый, въ «Не въ свои сани не садись» находитъ краснорѣчивѣйшее опроверженіе. Островскій всецѣло стоитъ здѣсь на почвѣ «органической народности», какъ ее понималъ Ап. Григорьевъ. Русаковъ, не безъ грѣха тенденціозности, и если что умаляетъ нѣсколько эту чудесную, наивную, свѣжую и благоухающую комедию, то именно недостатокъ суровости и выдержки въ Русаковѣ, и близость Вихорева къ Хлестакову. Это — чуть-чуть, кое-гдѣ замѣтно, и немножко портитъ впечатлѣніе. Но тогда шла борьба — борьба «москвитянина» съ «петербуржцемъ». Я остерігаюсь называть эту борьбу — борьбой славянофильства и западничества, потому что едва ли оно такъ было. Дѣло шло не столько о формахъ жизни и общественныхъ идеалахъ, сколько о томъ, кто есть истинный «сосудъ» русскаго величія, кто носитель его судьбы, кто призванъ исторіею стать обновителемъ русской жизни. И здѣсь, именно здѣсь, былъ самый острый, самый жгучій пунктъ спора. Москвитянинъ не вѣрилъ въ петербургскаго культуртрегера. Петербургскій культуртрегеръ не вѣрилъ въ москвитянина. Первый укорялъ второго въ томъ, что онъ говоритъ о себѣ: «я, знаете ли, человекъ русской», а самъ Богъ знаетъ что за человекъ: европеецъ не европеецъ, чиновникъ не чиновникъ, во многомъ свѣдущій, но совершенно не самостоятельный — идейно на помочахъ у европейской мысли, экономически весь въ «заручкахъ» крѣпостного права и бюрократическихъ арендъ, и органически — пустопорожній, желающій благодѣтельствовать народъ, которому онъ долженъ сначала рекомендоваться: «я, знаете ли, русской». Да, Островскій унилизъ эту цивилизацію, обнаруживъ ея духовное родство съ вихоревщиною, и если въ послѣдствіи Островскій не унижалъ съ такою силою вихоревскую цивилизацію, то это свидѣтельствуеетъ не о томъ, что онъ измѣнилъ свое «органическое» воззрѣніе, но о томъ, что появился новый общественный классъ — разночинный, включившій въ себя значительную долю Русакова — который въ экономическомъ и идейно-социальномъ смыслѣ сталъ до известной степени хозяиномъ положенія,

отодвинувъ Вихоревыхъ и Баранчевскихъ, и осуществивъ нѣкоторымъ родомъ «слияніе цивилизаціи съ капиталомъ». Славянофильство «Москвитянина» потеряло главную опору, главный фундаментъ своей страстной проповѣди: Вихоревъ утратилъ позицію, послѣ реформъ 60-хъ годовъ. Если къ «Не въ свои сани не садись» можно было поставить эпиграфомъ слова Сизьса: «qu'est ce que ce le tiers-état? rien! qu'est ce qu'il doit être? tout!», — то къ позднѣйшимъ произведеніямъ это было непримѣнимо, потому что tiers-état въ значительной мѣрѣ восторжествовалъ. Унижая Вихорева, Островскій унижалъ не цивилизацію, но бесиліе цивилизаціи, отданной на попеченіе Вихоревымъ.

Каждая эпоха имѣетъ своимъ героемъ, — свой классъ героевъ. Искусство стремится къ идеализаціи героическаго класса своей эпохи. Извѣрившись въ силу петербургскаго культуртрегерства, московское славянофильство обратилось къ купечеству, потому что не могло обратиться къ народу, не существовавшему даже въ качествѣ самостоятельнаго юридическаго лица. Островскій не былъ славянофиломъ въ узкомъ, партійно-кружковомъ смыслѣ слова, но, натура чуткая и правдивая, онъ не могъ не видѣть, что за фруктъ представляетъ культура, вся покоющаяся на «заручкахъ». И всю свою любовь, всю правду своего таланта онъ отдалъ среднему классу русскаго народа — купцу и мѣщанину. Здѣсь было «органическое», свое, самостоятельное — пусть неуклюжее и темное, но стоявшее на своихъ ногахъ, а не на многообразныхъ «заручкахъ». Островскій любилъ душу Бородинна, Дуни, Русакова — любилъ, видя въ нихъ будущее русскаго народа, и не жалѣлъ для нихъ поэзіи.

Нѣкоторую аналогію — разумѣется крайне поверхностную и отдаленную — можно найти въ современномъ увлеченіи босячествомъ. Какъ кружокъ, группировавшійся вокругъ «Москвитянина», извѣрилъ въ спасительность цивилизаціи, осуществляемой культуртрегерствомъ Вихоревыхъ и Баранчевскихъ, такъ въ наши дни наступило разочарованіе въ буржуазной цивилизаціи. Общество стало искать героевъ не въ средѣ такъ называемыхъ интеллигентовъ, продолжающихъ существовать при помощи разныхъ «заручекъ», а въ новомъ классѣ людей безъ положенія, и потому именно совершенно независимыхъ. Явился романтизмъ босячества. Явился Коноваловъ — великолѣпнѣйшая, но и наивнѣйшая фантазія Горькаго — Коноваловъ, котораго любила — ахъ, какъ любила! — барыня, а онъ потряхнулъ кудрями, да и былъ таковъ, снова пустившись во слѣдъ своей вольной волюшкѣ.

Петербургскій культуртрегеръ со своими всевозможными «заручками» духовно мало измѣнился. Разумѣется, Вихоревъ — просто гаденькій, мелкій и ничтожный человѣчишка. Однако то, что онъ живетъ на содержаніи или стремится жить на содержаніи, — черта не столько вихоревская, специально, сколько петербургско-культуртрегерская. Петербургское культуртрегерство, собственно, всегда было на содержаніи, и стремилось наполнить пустоту своего сердца и ума не то внутренними займами у родной Дунечки, не то внѣшними займами у мадамъ Европы. Оттого такъ скоро похоронили въ Петербургѣ и нашего великаго, прекраснаго, талантливаго и могучаго, Островскаго. Живя на вѣчномъ содержаніи, вихоревская цивилизація очень быстро издержала дунечкины капиталы, дунечкину душу, дунечкину святую, кроткую, какъ пухъ мягкую, наивность. А тутъ подвернулся Баранчевскій, какъ-то ненарокомъ пристроившійся къ мадамъ Европѣ. И когда Вихоревъ, поиздержавшій живо и безъ всякой нор-

мальной утилизаци, дунечкино имѣніе, увидѣлъ Баранчевскаго подъ руку съ символизмомъ, декадентствомъ—и другими знатными дамами европейской культуры, то немедленно воспыла въ зависть, и бросивъ второпяхъ, что еще осталось отъ дунечкинаго приданаго,— по обыкновенію, безпорядочно и жадно, накинулъ на новыя блага цивилизации...

И вотъ какъ случилось, что Островскаго у насъ не играютъ, но за то во всѣхъ театрахъ, и даже въ торжественные дни даютъ все самое новѣйшее, все самыхъ послѣднихъ фасоновъ Европы.

Французскій театръ называется «Домомъ Мольера», и не только называется, но и фактически, въ извѣстной мѣрѣ, оправдываетъ это названіе. Подумайте, какъ далекъ Мольеръ! А вѣдь Островскій близокъ, совсѣмъ близокъ. И вѣдь не кто иной, а именно Островскій, основатель русскаго театра.

Вѣдь поистинѣ русскій національный театръ слѣдуетъ называть «Театромъ Островскаго», и не только чтить великаго драматурга — что чтить! чтутъ и слѣпую бабушку!—а молитвенно изучать сокровищницу юмора, бытовой правды, психологической ясности, душевной красоты, которая заключена въ твореніяхъ Островскаго. Островскій — есть истинно русскія «сани». А между тѣмъ всѣ норовятъ сѣсть не въ свои сани, а въ какія-то чужія, безпре-

станно мѣняющія свой фасонъ, совсѣмъ диковинныя, странныя, въ которыхъ такъ тѣсно русскому актеру...

Вся бѣда вихоревщины—въ томъ, что она безъ толку мечется. Вихоревъ порхаетъ. Вихореву совершенно чужды тѣ традиціонныя связи, тѣ естественно-историческія скрѣпы, которыя подготавливаютъ будущее, какъ законный переходъ формъ отжитыхъ къ формамъ нарождающимся. Мариво, Реньяръ—не говорю о Мольерѣ—до сихъ поръ являютъ собою формы, изъ которыхъ медленно и послѣдовательно развивается французская комедія. Тогда какъ Вихоревъ уже забылъ или готовъ забыть Островскаго.

Авд. Максимовна.

Что вы со мной сдѣлали?. Куда я теперь дѣнусь?.. Какъ я домой покажусь?

Вихоревъ.

А мнѣ-то какое дѣло? Зачѣмъ ѣхала?

Жюль Леметръ, вообще, не балующій русскую литературу, но восхищенный комедіею «Не въ свои сани не садись», выражается о Вихоревѣ, что онъ обнаруживаетъ «la brutale laideur de son âme». Развѣ? Можетъ быть на французскій взглядъ... Наша вихо-

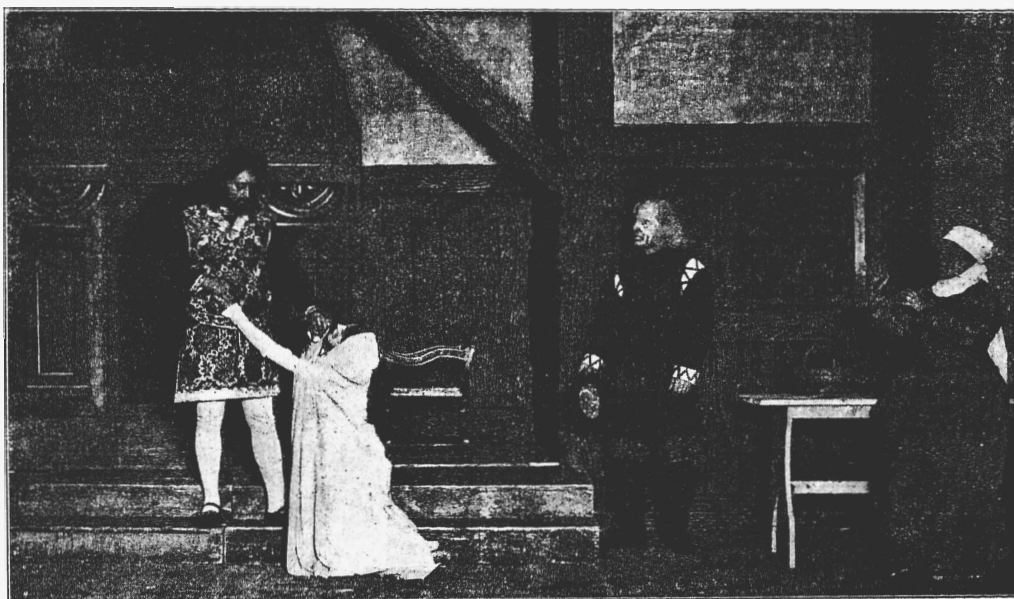
ревщина болѣе легкомысленна, нежели отвратительна. Она ницъ лежала предъ Пушкинымъ, но въ одинъ прекрасный день промѣняла его на Бюхнера и Мошешота; и Дунечку Островскаго она любила—можетъ быть одну минуту, да любила—а потомъ крикнула на нее: «зачѣмъ ѣхала?» и вцѣпилась въ «настроенія», въ чертовщину, въ мистику... Ахъ, не все-ли равно! Вихоревъ порхаетъ. Вихоревъ жаждетъ попасть на содержаніе...

А. Кугель.

Приспособленный.

Насъ было цѣлое общество, и разговоръ шелъ о томъ, о семъ. Жаловались на «трудныя времена» и что «дохнуть некогда». И большинство говорило, что надо приспособляться, только

— ♪ Н О В Ы Й Т Е А Т Р Ъ . ♪ —



«Бѣдный Генрихъ». (II актъ).

не знали какъ. Вообще, приспособленіе есть сущность здороваго организма,—доказывалъ общій любимецъ, докторъ Разсудовъ.

— Вотъ, посмотрите, сердце, говорилъ онъ,— люди какъ его треплютъ, а оно приспособляется. Ежели здорово, понятно. Потому что, если оно болѣное, такъ у него склерозъ, эластичности нѣтъ, а нѣтъ эластичности—при первомъ изліяніи—«кранкенъ». Вотъ и здоровый человѣкъ точно также: долженъ приспособляться! А не можешь—погибай.

И тогда всѣ стали приводить примѣры, кто какъ приспособляется.

— Да вотъ, господа, Меланхтоновъ, вѣдь какъшибко пошелъ—живо приспособился! Знаете, когда назначили новаго режиссера, всѣ думали, что ему крышка. А онъ замѣсто того, представьте, повышеніе получилъ и на новый окладъ переведенъ. Дѣло вотъ какъ было. Пронюхалъ Меланхтоновъ, что режиссеръ вегетарианецъ. Ну, хорошо. Вотъ онъ съ собою на репетицію и сталъ приносить завтракъ: печеный картофель, редиску, молочко въ бутылкѣ изъ-подъ сельтерской и пр. А режиссеръ замѣтилъ: что это вы, говоритъ, такое все ѣдите? Вегетарианецъ, отвѣчаетъ. Давно? Съ тѣхъ поръ, какъ въ разумѣніе

пришелъ. Гм! И довольны? Т. е. такъ доволенъ, такъ доволенъ,—сказать не могу, какъ много доволенъ. Картофель въ мундирѣ, осмѣлюсь доложить, Евстафій Петровичъ, есть не только продуктъ высшего вкуса (для тѣхъ, которые ежели понимающе), но и отмѣнной нравственности. Насыщенный мясомъ, я какъ бы чувствовалъ себя отравленнымъ, вродѣ боа-констриктора, тогда какъ утоливъ законное чувство голода продуктами растительнаго царства, вижу себя свободнымъ, какъ воздухъ, и вполне готовымъ отдать всѣ силы на службу искусству... «Прекрасно! прекрасно!» И тутъ же ему роль сунула въ 3 1/2 листа... Ну, и пошло! А потомъ, какъ-то говорить:

— Послушайте, Меланхтоновъ, приходите сегодня ко мнѣ обѣдать, я васъ рѣпой въ горчицномъ маслѣ угощу—изъ Сарепты прислано,—эти-то ничего не понимаютъ, но вы оцѣните... И обѣдалъ-съ! И въ тѣснѣйшее сближеніе вошелъ, въ довѣріе... А черезъ что? Черезъ картофель въ мундирѣ.

Разсказчикъ выпилъ рюмку водки, ожесточенно ткнулъ вилокъ въ селедку и прибавилъ:

— Черезъ все можно приспособиться, ежели умѣючи взяться!

Всѣ на минуту умолкли, и вдругъ одновременно вскричали:

— Да позвольте, а Паль Палычъ?

Да, Паль Палычъ! Это была высшая форма приспособленія, какую когда либо видалъ Божій міръ.

Паль Палычъ, который всѣмъ, рѣшительно всѣмъ былъ одинаково милъ и любезенъ; Паль Палычъ всегда довольный, розовый, румяный... Паль Палычъ! Конечно, какой еще примѣръ разительной приспособляемости возможно найти въ природѣ?

Паль Палычъ выработалъ разъ навсегда превосходную манеру приспособляться. Именно: онъ всегда улыбался. Еще въ гимназіи, бывало, несетъ какуюнибудь ахинею и улыбается. «Я вамъ единицу поставлю». Улыбается. Ну, какъ такому поставить единицу? Такой скромный, добродушный и все улыбается.

Потомъ, когда онъ студентомъ былъ, то давалъ уроки въ одномъ хорошемъ семействѣ, и всѣ его любили за то, что онъ всегда улыбался. Случилось какъ то, что онъ сидѣлъ въ столовой, одинъ на одинъ, съ хозяйкой дома: такая почтенная дама,—ну, и улыбался.

— Что вы все улыбаетесь? говоритъ она.

А онъ улыбается.

— Ахъ, вы смѣшной! ну, пойдемъ ко мнѣ въ будуаръ!

А онъ все улыбается.

Взяла она его за ушко, потерявила, да и говоритъ:

— Я надѣюсь, мой милый мальчикъ отличается скромностью...

Онъ улыбался.

— Ахъ, какой! Удивительно!.. Я рѣшилась, но не могу видѣть вашей улыбки: потушите лампу.

Но онъ и въ полутьмѣ продолжалъ улыбаться.

Паль Палычъ всегда улыбался. Случалось, заспорятъ до слезъ народникъ съ марксистомъ. Онъ сидитъ въ сторонѣ и улыбается. Марксистъ принимаетъ эту улыбку на свой счетъ; народникъ на свой. Каждый думалъ, что этой улыбкой Паль Палычъ поощряетъ его къ дальнѣйшему сопротивленію. И когда, за окончательной хрипотой и полнымъ истощеніемъ силъ, спорщики прекращали свои дебаты, каждый подходилъ къ Паль Палычу, который улыбался и говорилъ ему:

— Ну, вотъ видите, Паль Палычъ!

Паль Палычъ улыбался и потому прослылъ умникомъ и чрезвычайно образованнымъ человѣкомъ.

Рѣшили, между прочимъ, что онъ знаетъ всѣ языки, потому что, кто бы на какомъ языкѣ ни разговаривалъ, Паль Палычъ улыбался. Приѣхали китайскіе актеры, и всѣ зрители изображали на своихъ лицахъ скорбное и тяжелое недоумѣніе, но Паль Палычъ улыбался.

Однажды зашелъ споръ, какъ по-англійски «печка». Одинъ говоритъ такъ, другой — этакъ. Паль Палычъ же сидѣлъ въ сторонкѣ и улыбался.

— Ахъ, да вотъ кто намъ объяснить, воскликнулъ одинъ изъ спорщиковъ,—Паль Палычъ, какъ по англійски «печка»?

Паль Палычъ сначала просто улыбался, но когда вопросъ былъ повторенъ и при томъ въ категорической формѣ, то Паль Палычъ устремилъ улыбающийся взоръ въ пространство, поигралъ перстами и сказалъ:

— Строго говоря, въ англійскомъ языкѣ нѣтъ слова «печка».

— Какъ, строго говоря?

— Строго говоря, у нихъ каминъ...

И улыбнулся. Это было очаровательно, и всѣ рѣшили, что если кто знаетъ au fond — англійскій языкъ, такъ это Паль Палычъ.

Само собой разумѣется, что Паль Палычу предложили превосходное мѣсто, для котораго, между прочимъ, необходимо было знаніе англійскаго языка. Паль Палычъ прибылъ въ безукоризненномъ рединготѣ и улыбнулся остроумнѣйшей изъ улыбокъ. Съ одной стороны, эта улыбка значила: «я знаю, что вы за мной пришлете, но я не сержусь на то, что такъ поздно». Съ другой эта улыбка поясняла, что дѣло, разумѣется, никто не могъ вести, какъ слѣдуетъ, кромѣ Паль Палыча, и если онъ этого не говоритъ, то только потому, что ему не позволяетъ такъ выразиться его врожденная деликатность. А съ третьей стороны, въ его улыбкѣ читалась полная увѣренность, что это столь трудное и непосильное для многихъ дѣло, для него—сушій вздоръ. И дѣйствительно, все оказалось вздоромъ. Паль Палычъ приѣзжалъ, чистилъ ногти, пилъ жидкій чай съ лимономъ и улыбался, а подчиненные преисправно дѣлали, что нужно. И всѣ говорили: дѣйствительно, какъ это у него все спокойно идетъ. И за-



Толстый Генрихъ и бѣдная Оттегебе.
(Шаржъ).

мѣйте, при этомъ два часа въ день онъ еще находить возможнымъ посвящать шведской гимнастикѣ!

Правда, случилась однажды ревизія, которая обнаружила большія неисправности въ части, находившейся въ завѣдываніи Паль Палыча. Но онъ и здѣсь вывернулся, потому что улыбался. Ему говорили:

— Послушайте, что за безобразія у васъ творятся!

Онъ улыбался.

Тогда выражались прямо:

— И бываютъ же люди, которые, получая солидное вознагражденіе, ровно ничего не дѣлаютъ!..

А онъ продолжалъ улыбаться, какъ будто бы дѣло шло о какомъ-то другомъ, нерадивомъ Паль Палычѣ, а онъ приглашенъ, собственно, за тѣмъ, чтобы присутствовать, въ качествѣ совѣстнаго судьи, при расправѣ надъ этимъ другимъ, ужаснымъ, нерадивымъ и даромъ получающимъ жалованіе, Паль Палычемъ.

Кончилось тѣмъ, что ревизоръ плюнулъ и сказалъ:

— Чортъ знаетъ, какая у васъ идиотская улыбка!

Но такъ какъ Паль Палычъ нисколько на это не обижался, а продолжалъ улыбаться, то ревизоръ былъ тронутъ такимъ «непротивленіемъ злу» и, огорченный своей собственной несдержанностью, рѣшилъ оставить Паль Палыча въ покоѣ.

Эта маска улыбки, которую всегда носитъ Паль Палычъ, предохраняетъ его отъ всякихъ непріятностей и дѣлаетъ его пригоднымъ для всякаго рода вещей и обстоятельствъ. Она—непроницаема и благодушна. Я его встрѣтилъ однажды на извозчикѣ, котораго онъ тузилъ зонтикомъ по спинѣ.

— Мерзавецъ!—говорилъ онъ,—поѣзжай! Видишь, спѣшу! Чорртъ! Но извозчикъ не обращалъ на это никакого вниманія, очевидно, не рѣшивъ, что это: фамилярная ласковость обращенія, или брань, сопровождаемая «рукоприкладствомъ».

Улыбка, — истинный ключъ приспособленія, настоящій *juste milieu* жизни. Не надо плакать, потому что это растриваетъ нервы. Не надо смѣяться, потому что это можно принять за зубоскальство. Но надо улыбаться. Это—превосходная форма опортюнизма, съ которой, не оглянешься, какъ проживешь жизнь припѣваючи. Не слѣдуетъ быть пессимистомъ, и не слѣдуетъ предаваться оптимизму. Не нужно говорить ни «да» ни «нѣтъ». Но если улыбнуться, это будетъ та средняя пропорціональная, про которую Алексѣй Толстой выразился, какъ про «пустопорожнее мѣсто между да и нѣтъ».

Я его встрѣтилъ недавно, Паль Палыча, по обыкновенію, розоваго, довольнаго, улыбающагося. Улыбаясь, онъ мнѣ сообщилъ, что скоро будетъ издавать газету подъ заглавіемъ «Улыбка міра». И тутъ же показалъ мнѣ проектъ заглавной виньетки. Очень хорошая виньетка: она изображала человѣка, не то чтобъ очень полнаго, и не то, чтобъ очень тонкаго, не то, что высокаго, но и не низкаго, не то штатскаго, не то военнаго, который улыбался. На груди, на мѣстѣ жилета, значилось, «Телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства». И не то онъ

смѣялся надъ этими телеграммами, не то радовался, что онѣ получены...

— А въ слѣдующій разъ,—улыбнулся онъ мнѣ,—я покажу тебѣ и объявленіе о подпискѣ.

И сверкнувъ зубами, исчезая за поворотомъ улицы.



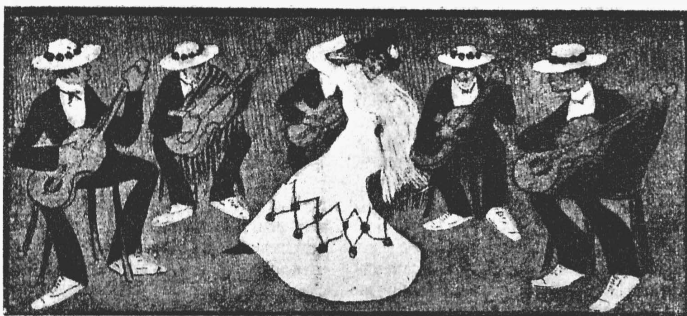
Харьковскія письма.

XVI.

«Я не тогда боюсь, когда ропнуть громко,— писала Екатерина Великая,—а когда молчать». Сентенція эта пришла мнѣ на умъ, когда я сталъ уяснять себѣ отношеніе нашей публики къ главнымъ нашимъ театрамъ—городскому и Коммерческаго клуба, въ которыхъ играетъ драматическая и оперная труппы. Былыхъ восторговъ, увлеченій, горячихъ споровъ и страстности сужденій въ обществѣ и печати, конечно, нѣтъ; но нѣтъ также и рѣзкаго осужденія или протеста, незамѣтно

агитаціи противъ того, что безспорно является дурнымъ... На смѣну всему этому явилось какое-то равнодушно-молчаливое отношеніе къ событіямъ настоящаго сезона,—впрочемъ, надо признать, дѣйствительно неудовлетворяющаго публику. О томъ, что наша опера, дѣйствующая даже безъ фирмы, такъ сказать *безтитульная*, изъ рукъ вонъ плоха — я распространяться не стану. То, что составляетъ основу самой посредственной оперы—увѣренная дирижерская рука, — и этого у насъ нѣтъ; хоры съ старыми, рѣзкими голосами, поютъ они

и часть артистовъ большею частью по собственному наитію; оркестръ крайне разнороденъ; огромная часть труппы состоитъ изъ новичковъ въ буквальномъ смыслѣ слова, не знающихъ по сценѣ не только куда дѣвать свои руки и какъ стоять и ходить, но не твердыхъ въ текстѣ. Наша опера теперь нѣчто вродѣ опернаго класса съ публичными и платными (понимай, какъ желаешь) демонстраціями пѣвцовъ и пѣвицъ, приобрѣтающихъ необходимую имъ «рутину», по извѣстному итальянскому выраженію. Я занялъ бы очень много мѣста, еслибъ перечислилъ имена только пѣвицъ и пѣвцовъ, привезенныхъ сюда изъ Тифлиса, прибывшихъ затѣмъ изъ разныхъ «центровъ» отечественныхъ и иностранныхъ, а также туземныхъ «вокальныхъ силъ». Не мыслимо поэтому, чтобы я далъ еще всѣмъ имъ и аттестацію. Изъ старыхъ, по времени пребыванія, конечно, въ труппѣ, артистокъ можно назвать только г-жъ Ванъ-деръ-Брантъ и Добжанскую, а артистовъ—г. Бонаича, трансформировавшагося изъ баритона въ тенора. Изъ новыхъ членовъ труппы, какъ на *волею*, можно указать на г-жъ Стеценко-Мевенцову и Правдину (скорѣе лирическое сопрано, чѣмъ драматическое, и mezzo-сопрано) и гг. Сергѣева и Васильева (высокій басъ и теноръ). Вотъ и все, что имѣется въ нашей оперѣ,—о чемъ стоитъ говорить. Г-жа Ванъ-деръ-Брантъ, по моему, серьезно больна; ея чудный голосъ утрачиваетъ все болѣе и болѣе очаровательность тембра, нѣжность и прозрачность. Увы! Случилось, къ прискорбію, то, о чемъ я писалъ въ этихъ же письмахъ: артистка, такая талантливая, надѣленная природою именно въ «щедрую часть» прекраснѣйшими дарами, теперь не можетъ пѣть безъ усилія, даже безъ явнаго страданія. Отдыхъ и отдыхъ—вотъ, что, быть можетъ, еще спасетъ эту, по моему, замѣтельную артистическую организацію. Артистка таетъ на нашихъ глазахъ, какъ свѣча, зажженная съ двухъ концовъ, и ужасно думать, что одурманивающій фиміамъ сценическаго успѣха, въ такой мѣрѣ туманитъ сознание, что бесильны и доводы разсудка, и явная очевидность фактовъ... Я останавливаюсь нѣсколько подробно и, пожалуй, съ неумѣстной сентиментальностью на положеніи г-жи Ванъ-деръ-Брантъ потому, что лично считаю ее *одну* болѣе значительной артистической величиной, чѣмъ всѣ вмѣстѣ сложенные «силы» теперешней харьковской оперы! Вандализмъ, такъ часто встрѣчающійся у насъ въ дѣлѣ театра, загубилъ и физически не одну талантливую силу. Поэтому, мнѣ кажется, обязанность каждаго изъ насъ, дѣятелей театра, протестовать противъ этого растратыванія даровъ Божіихъ и бороться съ нимъ, открывая глаза и



«Испанскій танецъ»—номеръ дивертисмента.

самым ослѣпленнымъ артистамъ, и равнодушному въ своей жестокой требовательности обществу... Басъ г. Сергѣевъ обѣщаетъ въ будущемъ очень много хорошаго; голосъ у него, красивый и звучный, поставленъ самой природой, звукъ льется свободно и полно, безъ какой либо горловой или головной окраски. У артиста, не смотря на молодость, есть умѣнье держаться на сценѣ и достигать задуманнаго. Одинъ изъ бросающихся въ глаза недостатковъ г. Сергѣева — плохое знаніе текста и отсутствіе иногда ритма: видно, что этотъ скороспѣлый пѣвецъ не имѣлъ даже времени выучить то, что и иной оперный habitue споетъ вполне правильно. По качеству голоса и природной постановкѣ его подходитъ къ г. Сергѣеву г. Васильевъ, — говорятъ, недавно еще бывший пѣвчій въ хорѣ. Я давно не слышалъ такого красиваго, широкаго, чисто русскаго тенора. Вотъ кому бы учиться и учиться! Дайте такой голосъ италянцу — и черезъ годъ это знаменитость. Г-жа Правдина — красивое меццо-сопрано, съ благодарной сценической наружностью и замѣтными музыкальными и драматическими способностями, но пѣвца эта пока еще безъ репертуара и безъ «рутины». Г-жа Стеценко-Мезенцева только хорошій голосовой матеріалъ — и ничего больше. Г-жа Добржанская развиваетъ свой превосходный голосъ и мало работаетъ, — сужу по наличности сценическаго совершенствованія, — надъ игрой, — а, вѣдь, она поетъ уже теперь въ «Пиковой дамѣ» и Полину, а графиню. Г. Бонаичичъ, по моему крайнему разумѣнію, много терять въ смыслѣ признанія его достоинствъ, отъ того, что поетъ *здесь*, гдѣ его такъ хорошо знали, какъ баритона. Мало кто изъ публики въ состояніи отрѣшиться отъ запавшихъ глубоко впечатлѣній недавняго еще прошлаго. А между тѣмъ безспорно одно, что г. Бонаичичъ хорошій пѣвецъ, со вкусомъ и дисциплиной, при томъ онъ отлично держится на сценѣ. Въ отношеніи «успѣха», какъ таковаго, артистъ, перемѣнивъ голосъ, утратилъ добрую половину «приема». Отъ настойчивости артиста и совершенствованія его зависить успѣхъ метаморфозы. Будемъ ждать, что дастъ время... Мой же советъ г. Бонаичичу поѣхать тамъ, гдѣ даже неизвѣстно, что былъ когда-нибудь баритонъ Бонаичичъ. Если имѣетъ значеніе для артиста мнѣніе массы, то вотъ только такимъ способомъ и можно провѣрить самого себя. Я слушалъ г. Бонаичича въ «Пиковой дамѣ» и «Дубровскомъ» — и остался доволенъ. Говорятъ, артистъ споетъ намъ Нерона въ Рубинштейновской оперѣ, давно уже готовый въ нашей оперѣ, т. е. имѣются для постановки декорации, костюмы и ноты. Пожалуй, партія Нерона подойдетъ весьма къ баритональному тенору г. Бонаичича. Итакъ, вотъ весь активъ нашей оперы. Репертуаръ въ соответствии съ этимъ жалкимъ активомъ, — и тѣмъ не менѣе, по слухамъ, опера до праздниковъ сдѣлала по боо р. слишкомъ на кругъ... Такъ велика потребность въ оперѣ.

Если наша драматическая труппа не особенно блещетъ, какъ въ прежніе годы, величинами, то за то первые спектакли ея проходили съ хорошимъ ансамблемъ, — чего отнюдь не приходится сказать о послѣдней части сезона 1902 года. Продолжавшіеся «выходы» новыхъ силъ труппы мало привлекали публики, хотя и происходили при вполне благоприятныхъ условіяхъ. Г-жа Паскалова сыграла очень интересно «Нору», хотя даетъ ей такую... разумность и твердость характера, которая въ самомъ началѣ трудно предполагать у «жаворонка». И просвѣтленіе, и рѣшимость является, вѣдь, потомъ послѣ «катастрофы». Очень хороша была артистка въ «Слѣдователѣ». Прекрасно сыгралъ г. Соколовскій Рыдлова въ «Джентльмэнѣ». Вообще же можно сказать, что и г-жа Паскалова, и г. Соколовскій — (особенно, послѣдній) играютъ сравнительно мало, «Мѣщане» идутъ на нашей сценѣ довольно часто: на очереди седьмое представленіе; играютъ дружно, съ увлеченіемъ. Превосходны Перчихинъ (г. Глюске-Добровольскій) и чета Безсѣменовыхъ (г-жа Виноградова и г. Павленковъ), вѣрна своему замыслу г-жа Милитчъ (Татьяна) и милъ въ своемъ задорѣ и суетливости г. Горсткинъ и г-жа Львова; удаются нѣкоторые моменты г. Колобову — Тетривъ, — ужъ больно роль сама по себѣ выигрышна! Г-жи Кутузова (Елена) и Журина (Поля), гг. Карамазовъ (Петръ) и Владиміровъ (Нилъ) старательно воплощаютъ героевъ Горькаго. «Монна-Ванна» выдержала также шесть представленій. Первые два спектакля шли даже два раза подъ рядъ, что вѣроятно отразилось на исполнителяхъ. Лично мнѣ понравился въ этой пьесѣ Тремульдіо — г. Глюске-Добровольскій и отчасти г. Павленковъ въ роли Марко, — но по обыкновенію, артистъ перестарилъ изображаемое лицо: какъ бы не былъ подавленъ событіями старый сенаторъ — онъ же не впадетъ отъ этого въ дряхлость... Гг. Дара-Владиміровъ (Принцивале) и Карамазовъ (Гвидо) мало подходятъ для своихъ ролей, — одинъ слишкомъ равнодушно ведетъ ее, а другой при всѣхъ усиліяхъ и вѣрномъ замыслѣ не можетъ съ должной выразительностью передать терзанія, муки и бѣшенство ослѣпленнаго ревниваго. Сама исполнительница Монны-Ванны — г-жа Паскалова ведетъ роль въ обычномъ своемъ тонѣ: пріятная ласка и осложненная, квалицированная нѣжностью и мягкостью, воркованіе съ чувственными вспѣсками и отдѣльными, хотя бы противорѣчащая общему тону вскрикиванія. По моему изъ этого арсе-

нала ничего «не полагается» для Монны, женщины опредѣленной эпохи прежде всего, когда патриціанки, по словамъ историковъ Возрожденія, изучали древніе языки у сѣдовласыхъ магістровъ и гавотъ — у изящнѣйшихъ танцмейстеровъ. Монна — это Юдіевъ или Шарлотта Корде, въ ней кровь Муція Сцевола, — по мужеству души, по рѣшимости принести себя въ жертву. Показать этотъ твердый характеръ, стойкость воли и неспособность къ крайнему самопожертвованію величественное и спокойное, — первая задача исполнительницы, Переходъ (во второмъ актѣ) отъ суровой ненависти сильной женщины къ радости неизвѣданнаго чувства и самое зарожденіе чувства къ Принцивалю, — все это, вѣдь, моменты совершенно чуждые сентиментальности, или, храни Боже, чувственного экстаза... Въ третьемъ актѣ у г-жи Паскаловой прямо таки не хватаетъ *силы* — драматическаго напряженія конечно, а не голоса, который самъ по себѣ малозвученъ, чтобы передать сложнѣйшую гамму чувствъ Монны, тотъ чисто трагическій моментъ въ жизни сильной и прекрасной женской души, который она переживаетъ съ стремительной силой бурнаго потока... Впечатлѣніе получается слабое и пьеса мало удовлетворяетъ. Кстати, по поводу самой пьесы Метерлинка позволю себѣ маленькое замѣчаніе. Не было ли болѣе интереснымъ такое положеніе Монны: она *любитъ* Гвидо (а не только жена ему по *дому*) и какъ патриотка идетъ пожертвовать собою, а Принцивалю принимаетъ эту жертву. Какой послѣ того исходъ находить Монна? Вотъ психологическая проблема, которую интересно разрѣшить, а не такую въ сущности банальную исторію, какъ случай, обработанный Метерлинкомъ.

Бенефисы пока прошли въ драмѣ не важно. Сравнительно удались бенефисы г. Глюске-Добровольскаго, поставленнаго «Слѣдователя», и г. Павленкова — «Да здравствуетъ жизнь» [онъ игралъ Фелькерлинка (?)], — послѣдняя была повторена. Слабыми, въ смыслѣ сбора и исполненія, вышли бенефисы г. Александрова, режиссера, поставившаго нелѣпую пьесу г. Чирикова «За славой», г. Карамазова — «Гибель надежды» и г-жи Кутузовой — «Христіанинъ». Удивительно, что при естественномъ стремленіи обставить бенефисы возможно тщательнѣе въ послѣднихъ трехъ бенефисныхъ пьесахъ не участвовали ни г-жа Паскалова, ни г. Соколовскій!.. А Александровъ, какъ давній и добросовѣстный труженикъ дюковской труппы, былъ чувствуемъ при открытомъ занавѣсѣ и получилъ подарки отъ дирекціи и товарищей. Изъ новыхъ силъ труппы обращаютъ на себя вниманіе: начинающія артистки г-жи Львова (ученица филармоническаго училища по классу О. А. Правдина) и Александрова 2-ая, затѣмъ г. Смоляковъ, веселый и изящный протака. На очереди постановка «Мученицы» Ришпена. На праздникахъ сборы въ драмѣ были очень неровны: когда висѣлъ аншлакъ («Внѣ жизни», — пьеса понравилась, и «Мѣщане»), а когда бывало пусто. Въ оперѣ дѣла сильно поправилъ г. Антоновскій, «Дугеноты», «Фаустъ» и «Русалка» прошли съ аншлагами по возвышеннымъ цѣнамъ. Оживилъ спектакли оперы своимъ участіемъ и г. Виноградовъ, нѣкогда любимецъ нашихъ меломановъ. Голосъ г. Антоновскаго великолѣпенъ по прежнему, а игра полна драматизма и блеска.

Здѣсь дѣйствуетъ, кромѣ цирка бр. Никитиныхъ, въ которомъ играютъ малороссы г. Суходольскаго, еще «Новый Малый театръ», — это залъ въ домѣ Януровскаго. Говорить объ этомъ театральномъ предпріятіи нечего: это затѣя нѣсколькихъ безмѣстныхъ маленькихъ актеровъ и любителей, изъ которой, конечно, ничего путнаго не выйдетъ «Недоразумѣній» надо ожидать со дня на день.

Новый театръ г. Львова, названный имъ «Малымъ», обѣщаетъ быть серьезнымъ дѣломъ. Театръ рублей на 700 — 750 по обыкновеннымъ цѣнамъ, уютный и хорошенькій, съ мило обставленной сценой и уборными. Для небольшихъ труппъ — иностранныхъ, оперетки или фарса — это театръ весьма подходящій.

Постомъ въ драматическомъ театрѣ будетъ играть труппа г-жи Дюковой (въ нѣсколько измѣненномъ составѣ) съ П. В. Самойловымъ. На этотъ разъ сама г-жа Дюкова будетъ «держатъ» труппу и платить гастролеру по 350 р. за спектакль... Обѣщаютъ поставить «Дмитрія Самозванца и Василия Шуйскаго» Островскаго.

Г. Твардовъ.



ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ. Ростовъ—ультра-дѣловой городъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ Ростовѣ театръ исключительно считается съ условиями рынка; публика, потребитель зрѣлищъ, господствуетъ надъ производителями и подчиняетъ послѣднихъ въ отношеніи составленія репертуара, труппы и даже распредѣленія ролей. Въ театрѣ-циркѣ Машонкиной водворилось «харьковское» товарищество малорусскихъ актеровъ. Послѣднее, въ угоду вкусамъ своей «дешевой» публики, включаетъ въ свой репертуаръ порнографическія оперетки. Въ Нахичевани, по бенефиснымъ цѣнамъ, идутъ оперетки. Этотъ жанръ—самый подходящий для Нахичевани, гдѣ русская драма ничего, кромѣ дефицитовъ, не даетъ. Въ «ростовскомъ» театрѣ—прежній репертуарный хаосъ. Бенефисы не способствуютъ поднятію репертуара. Такъ, г-жа Расказова ставитъ въ свой бенефисъ «Холостую семью» съ «Нюбеей», Карелина-Райчъ—добродѣтельное нѣмецкое подражаніе «Мадамъ Санъ-Женъ», «Блестящую карьеру» и «Измѣну», пьесу мѣстнаго автора, О. Яковлева-Скитальца (написанную воплѣтѣ литературно и прекрасно разыгранную), Добровольскій возобновляетъ эффектный «Новый міръ». Для перваго своего выхода г. Петипа ставить надѣвавшая публикѣ «Гувернера». Болѣе удачными (по выбору пьесъ) оказались бенефисы режиссера Бориславскаго и декоратора Роговскаго («Плоды просвѣщенія», прошедшіе съ хорошимъ ансамблемъ въ соединенномъ исполненіи ростовской и новочеркасской труппы), Э. П. Горева («Волки и овцы»), Я. О. Орлова-Чужбинина («Урліель Акоста») и главнаго режиссера П. П. Ивановичскаго («Псковитянка»). Что касается не-бенефисныхъ спектаклей, то мы должны отмѣтить постановку «Петербургскихъ трущобъ», гдѣ режиссеръ и декораторъ взяли верхъ надъ ансамблемъ, и рядъ гастрольныхъ спектаклей новочеркасской труппы, которая, пожалуй, въ качественномъ отношеніи не уступитъ ростовской (пополнена теперь двумя крупными силами—г. Добровольскимъ и г-жей Васильчиковой).

Переходимъ теперь къ начатой уже нами характеристикѣ ростовской труппы. Много теплоты, задумчивости вноситъ въ исполненіе г-жа Михайловская (*ingénue dramatique*). «Искрой Божіей» обладаетъ г-жа Вадимова. Молодой актрисѣ предстоитъ еще много работы; въ ея исполненіи чувствуется отсутствіе извѣстной сценической подготовки, школы и опыта. Заслуженной извѣстностью въ провинціи пользуются г-жи Бѣльская (*grande-dame*) и Прокофьева (драм. старуха). Это—опытныя актрисы съ замѣчательнымъ чувствомъ мѣры. Послѣднимъ качествомъ не обладаютъ г-жи Расказова (комическая старуха) и Карелина-Райчъ (*ingénue*). У первой, благодаря ея колебаніямъ между драмой и опереткой (теперь играетъ въ Нахичевани въ опереткѣ), не выходя еще шаржъ опереточнаго пошиба. Г-жа Карелина-Райчъ—изящная салонная *ingénue comique*. Къ сожалѣнію, питаетъ склонность къ ролямъ *ingénue dramatique*; здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ слаба. Г-жа Тугаринова—хорошая актриса, особенно на бытовые роли. Изъ мужского персонала можно еще отмѣтить гг. Борисова и Долина. Первый—резонеръ, отличающійся тонкой отдѣлкой ролей. Г. Долину приходится играть такъ много ролей, и притомъ разнообразнаго амплуа, что у него не остается времени работать надъ отдѣлкой ролей и развитіемъ своего таланта.

Таковы главныя силы труппы. Надо думать, что въ будущемъ сезонѣ г. Крыловъ, наученный опытомъ этого сезона, постарается составить труппу «числомъ поменьше, цѣною подороже», пренебрегая нахичеванскимъ театромъ. Положительно пока извѣстно, что на будущій сезонъ режиссеромъ приглашенъ Л. К. Людвиговъ; изъ теперешняго состава труппы оставлены г. и г-жа Вадимовы и Степановъ. Поговариваютъ и о томъ, что Крыловъ намѣренъ построить въ Ростовѣ лѣтній театръ.

С. Кадминъ.

ПЕРМЬ. Прошло уже больше половины нынѣшняго зимняго сезона и пора сказать нѣсколько словъ о томъ, что далъ въ нынѣшній сезонъ театръ публикѣ и какъ послѣднія отнеслась и относится къ первому. Сначала, однако, маленькое предисловіе.

Шесть лѣтъ, съ перерывомъ на одинъ годъ, когда театръ былъ отданъ антрепренеру Струйскому, давшему городу драматическую труппу, самъ городъ, въ лицѣ городской управы и выборной дирекціи, завѣдывалъ городскимъ театромъ. Оперныя представленія, дававшіяся въ теченіи этихъ нѣсколькихъ лѣтъ, доставляли публикѣ большое удовольствіе, и самъ городъ убѣдился отъ этого не терпѣлъ. Первое достигалось благодаря тому, что на службу пороку шли, хотя и на меньшее, но вѣрное содержаніе, хороши оперныя силы, а возможные убытки гарантировались нѣсколькими состоятельными лицами, любящими оперное искусство. Но веденіе городомъ театральной дѣла вызвало недовольство въ однихъ тѣмъ, что, будучи бы, театръ отвлекалъ городскую управу отъ другихъ, болѣе серьезныхъ дѣлъ, городской хозяйствъ, а въ другихъ—что въ театрѣ давались зрѣлища, доступныя лишь интеллигентной и состоятельной части населенія, тогда какъ

другая, болѣе многочисленная, часть населенія лишена была удовольствія видѣть спектакли, отягчающіе ея потребностямъ. Эти нареканія вынудили управу сдать на нынѣшній сезонъ театръ антрепренеру. Такимъ явился В. И. Никулинъ.

Условія, при какихъ Никулинъ началъ нынѣшній сезонъ, были для него не особенно благоприятны: во-первыхъ, потому, что оперная партія рѣшила на драму не ходить, чтобы противной партіи доказать, что въ Перми нѣтъ спроса на драматическія представленія, а во-вторыхъ—все лѣто, почти до самой осени, въ Перми подвизались одна за другой двѣ драматическія труппы, и въ лѣтнемъ театрѣ—фарсъ, такъ что любители драматическаго искусства насытились, какъ говорится, по горло. Какъ на грѣхъ, на одномъ изъ первыхъ представленій г. Никулинъ вмѣсто водевилля, поставилъ дивертиссментъ, въ которомъ одинъ изъ артистовъ вышелъ на сцену съ «гармошкой». Съ галерки раздался свистъ, а публика въ ложахъ и партерѣ стала удаляться изъ театра. Опероманы торжествовали побѣду, а любители драматическаго искусства были въ отчаяніи. Тѣмъ и другимъ крахъ нынѣшней антрепризы казался неизбежнымъ. Протекшій полсезона доказалъ однако, что радость однихъ и опасенія другихъ были преждевременны: Никулинъ, какъ опытный антрепренеръ, понялъ что ему надо дѣлать: онъ все свое вниманіе обратилъ на репертуаръ и на обстановочную часть, при чемъ для послѣдней онъ ничего не жалѣлъ, и достигъ того, что публика пошла въ театръ. Вскорѣ же онъ сталъ давать спектакли по «обшедоступнымъ» цѣнамъ (отъ 5 коп. до одного рубля) и сталъ дѣлать хорошіе сборы и въ эти дни. На эти спектакли публика привлекается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ эти дни ставятся тѣ же пьесы и такъ же старательно, какъ и по повышеннымъ цѣнамъ. Обшедоступные спектакли даютъ антрепренеру въ среднемъ около 300—350 р. вечеровыхъ, т. е. столько же, сколько въ среднемъ даютъ спектакли по нормальнымъ цѣнамъ. Съ 6-го декабря Н. даетъ съ субсидіей въ 1500 руб. отъ попечительства народной трезвости, народные спектакли, по цѣнамъ отъ 5 до 50 коп. Эти спектакли, полезные для народа, не безвыгодны вмѣстѣ съ тѣмъ для антрепренера.

Что нынѣшній антрепренеръ пермскаго городского театра доволенъ результатами протекшей части сезона доказывается тѣмъ, что имъ въ началѣ декабря подано было въ городскую управу заявленіе, въ которомъ онъ требовалъ немедленнаго рѣшенія вопроса объ отдалѣ ему театра на будущій годъ и грозилъ даже, что не возьметъ театра, если онъ будетъ предпочтенъ позже 18 декабря. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что рѣшеніе этого вопроса происходитъ обыкновенно позже, Н. взялъ свое заявленіе назадъ.

Что публика въ свою очередь довольно нынѣшнимъ антрепренеромъ всего лучше доказывается сборами, которые она даетъ ему, а даетъ она сборы потому, что спектакли исполняются чрезвычайно старательно и при рѣдкой для провинціи обстановкѣ.

Если, при рѣшеніи вопроса о театрѣ на будущую зиму, городъ опять возьметъ антрепризу въ свои руки, то это будетъ самое лучшее, но, если рѣшено будетъ сдать театръ частному антрепренеру, то нечего искать лучшаго, чѣмъ Никулинъ, антрепренера.

Зритель.

БАКУ. Дѣла бакинской драматической труппы, въ послѣднее время—незавидныя. Чтобы увеличить сборы приглашенъ былъ на гастроли М. В. Дальскій, съ участіемъ котораго съ 6 по 20 декабря дано 9 спектаклей. Гастрольные спектакли дали 9000 р. валового дохода, причемъ изъ этой суммы уплачено г. Дальскому 3000. При полномъ сборѣ шли пьесы «Отелло», «Урліель Акоста», «Гамлетъ», «Женитьба Бѣлугина» и «Кинъ».

Съ отъѣздомъ Дальскаго шансы дирекціи на покрытіе дефицита еще болѣе понизились. Каждый спектакль проходилъ при пустомъ театрѣ. Явленіе это отчасти объясняется репертуаромъ, не соображеннымъ ни съ требованіями публики, ни съ силами исполнителей.

На ряду съ пьесами классическаго репертуара ставятся примѣры «Внуки Ванюшина», «Троглодитъ», «Отцы и дѣти» (плохая передѣлка) и т. д.

Труппа, въ общемъ, приличная. Г-жи Вейманъ, и Свободина и Понизовская пользуются успѣхомъ; изъ мужского персонала имѣютъ успѣхъ гг. Муравьевъ-Свирскій (первый любовникъ; выступаетъ и въ шекспировскихъ роляхъ), Лавровъ-Орловскій, Боуръ и Гофманъ. Изъ новыхъ пьесъ поставлены были «Безъ солнца» и «Побѣда».

Считаю нужнымъ, въ заключеніе, сообщить о томъ нововведеніи, какое практикуется въ бакинскомъ театрѣ. Въ послѣднее время дирекціей театра довольно часто устраиваются послѣ спектаклей въ театральномъ залѣ маскарады. На эти маскарады изъ зрителей допускаются лица, взявшія на спектакль билеты не ниже 2 руб., что имѣетъ будто бы на сборы самое благоприятное вліяніе. За лучшіе костюмы, и за лучшее исполненіе танцевъ, дирекція выдаетъ призы. На такихъ маскарадахъ публики бываетъ всегда очень много.

Послѣдній маскарадъ увѣнчался истинно провинціальной «сканалей истуаръ»: одной маскѣ былъ откушенъ носъ, такъ

что маскарадное веселье было прервано прибытиемъ полиціи и врача. Все это въ значительной степени дискредитируетъ театръ, какъ таковой и, разумѣется, при такихъ условіяхъ, онъ не можетъ въ Баку пользоваться достаточнымъ уваженіемъ.

Два раза въ недѣлю играетъ въ театрѣ Тагіева армянская группа съ участіемъ извѣстной армянской артистки г-жи Сирануишъ, которая пользуется громаднымъ успѣхомъ.

Въ послѣднее время она играла «Медею», «Гамлету» и «Монну Ванну». Съ 19 по 24 января въ Баку играетъ В. Ф. Коммисаржевская.

ВИЛЬНА. Предпраздничное тихое время ознаменовалось постановкой одной новинки—«Внѣ жизни». Пьеса или вѣрнѣе отдѣльные монологи дѣйствующихъ лицъ имѣли успѣхъ. Живымъ лицомъ былъ лакей Яковъ въ прекрасномъ исполненіи г. Молчанова. Г. Тройницкій былъ въ мѣру трогателенъ въ роли повара. Горничную Дуню очень недурно сыграла г-жа Прокофьева. Г-жа Назимова (Поля) горячо провела заключительную сцену и удостоилась аплодисментовъ такъ же, какъ и г. Самурскій, съ большимъ нервнымъ подъемомъ прочитавшій монологъ Сергѣева во 2 д. Исполнителямъ ролей «баръ» досталась неблагодарная задача неизменно проявлять тупость и жестокость.

Праздники прошли при каторжной работѣ артистовъ, при четырехъ спектаклѣхъ въ день. Въ больш. театрѣ утромъ давались феерія, вечеромъ повторялись раньше шедшія пьесы; въ Маломъ цвѣла мелодрама въ перемежку съ нелѣпостями въ родѣ «Миража»—удивительной пьесы г-жи Веселовской.

30-го декабря состоялся бенефисъ г. Молчанова. Сборъ былъ большой. Передѣлка романа «Огнемъ и мечомъ», никакихъ достоинствъ неимѣющая, поставлена была, очевидно, для сбора. Актерамъ въ ней нечего дѣлать.

Еще большимъ матеріальнымъ успѣхомъ сопровождался бенефисъ г. Островскаго, носящаго претенціозное названіе «завѣдующаго художественною частью», по-просту—сценаріуса. Давно уже зелено-розовые афиши возмѣщали о радостномъ событіи: бар. Радошевская разрѣшила постановку «Фрины». Залъ былъ буквально набитъ зрителями, жаждавшими увидѣти пьесу-декольтъ. Въ декольтъ послѣдняго акта повидали и была вся суть: его привѣтствовали аплодисментами, а какъ только Гиперидъ стыдливо покрылъ плащомъ Фрину, публика стала покидать залъ.

Стихи читали блѣдно и монотонно. Этотъ спектакль еще разъ показалъ, что при постановкѣ всякой многолюдной пьесы дирекція попадаетъ въ то печальное положеніе, которое картинно выражено въ пословицѣ: «хвостъ вытянешь, носъ увязнетъ», и наоборотъ. Приходится поручать роли совер-

шенно неподходящимъ актерамъ. Прекрасный актеръ, напр., г. Тройницкій, но въ роли архонта, со своими весьма типичными въ бытовыхъ пьесахъ интонаціями и жестами, онъ былъ очень страннымъ.

Успокаивающее и благоприятное для артистовъ впечатлѣніе производятъ послѣ всѣхъ этихъ декоративно-костюмныхъ зрѣлищъ, простые, современные пьесы. Такъ, хорошо сыграли 1-го января «Мими». Пьеса не блещетъ достоинствами, но роли даютъ матеріалъ для исполнителей. И г-жа Назимова (Мими), и г. Струйскій (кн. Тумановъ), и г. Эльскій (Вишне-скій) были достаточно интересны. Въ роли слабоумнаго Николая обратилъ на себя вниманіе г. Самурскій.

Передъ «Фриной» выставили копии съ картинъ съ изображеніемъ обнаженной женщины и надписью «роль Фрины» исп. г-жа Моравская. Были афиши съ наивно невѣжественными росказнями о «картинахъ Семирадскаго и Фрома (Жерома?) изъ музея Императора Николая. (?)» Были афиши съ цирковой статистикой: въ пьесѣ участвуетъ 100 чел., до 30 чел., болѣе 75 чел., наконецъ «вся труппа?» Играла же эта «вся» труппа, напр., пьесу «Внѣ жизни», гдѣ всего 14 дѣйствующихъ лицъ. Какая маленькая труппа у г. Струйскаго!

Виленскіе театры сланы г. Струйскому и на будущій годъ.
К. С.—овъ.

РЕПЕРТУАРЪ

С.-Петербург. Императорскихъ театровъ.

Въ Александринскомъ театрѣ. 13-го января: «Побѣда». 14-го: «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій». 15-го: «Чайка». 16-го. Бенефисъ В. Н. Давыдова, въ 1-й разъ: «Ломоносовъ», ист.-бытов. сп. 17-го: «Побѣда». 19-го: «Плоды просвѣщенія».

Въ Михайловскомъ театрѣ. 13-го января: «Воспитатель Флакманъ». 14-го: «Sapho». 15-го: «Зарница». 16-го: «Sapho». 17-го: «Воспитатель Флакманъ». 18-го: Bénéfice de m-lle Balletta. «Les deux écoles». 19-го: «Les deux écoles».

Въ Маринскомъ театрѣ. 13-го января: «Карменъ». 14-го: «Тристанъ и Изольда». 15-го: «Ручей». 16-го: «Франческа да Римини». 17-го: «Тристанъ и Изольда». 18-го. Въ пользу Театрального общества: «Сонъ Услады», пародія. 19-го, утро: «Жизнь за Царя». Вечеромъ: бенефисъ Ф. И. Кшесинскаго «Дочь Фараона».

Редакторъ А. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Лучшій другъ желудка.



Вино Сень-Рафаэль.

предлагается какъ тоническое, укрѣпляющее и способствующее пищеваренію.

БРОШЮРА О.

Сень-Рафаэльскомъ винѣ

какъ о питательномъ, укрѣпляющемъ и цѣлебномъ средствѣ

д-ра де-БАРРЕ

высылаются по востребованію.

Оно превосходно на вкусъ. Compagnie du vin Saint-Raphael.

Valence, Drome, France.

5805

10-1.

Fabrique de Postiches

JEAN coiffeur de Dames

Professeure de l'école Parisienne

Bréveté.

Gr. Morskaja, № 5.

5640. Téléphone 3446. 26-6

ВЪ ЮРЬЕВѢ

Лиф. губ. ПРОДАЕТСЯ конц. театр залъ „НОВЫЙ ТЕАТРЪ“ (Кам. зданіе съ 16 помѣщ., 2 дерев. зданія, садъ; залъ на 350 чел., на сценѣ около 40 декораций, газовое освѣщеніе). Съ запросами слѣдуетъ обращаться къ владѣльцу „Новаго театра“ Іосифу Іосифовичу Змигродскому (Юрьевъ, Лиф. губ. Карловская № 5654 ул. 24, Новый театръ). 4—3

НА СЕЗОНЪ ВЕЛИКАГО ПОСТА 1903 г.

сдается „НОВЫЙ ТЕАТРЪ“ (Мойка 61), съ 24 Февраля по 28 Марта включительно или понедѣльно, или поодино.

Объ условіяхъ справиться въ конторѣ „Новаго театра“ (Мойка 61) ежедневно отъ 1 ч. до 3 час. дня.

Разрѣшено С.В. Столичнымъ Врачебнымъ Управленіемъ на общихъ основаніяхъ о торговлѣ, какъ не содержащее въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ.

НАТУРЕЛЬ КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ ГОЛЛЕНДЕРЪ

КРАСКА НАТУРЕЛЬ

Самая безвред. и прочная, окрашивающая волосы въ натур. цвѣта: черныя, каштанов. и рыноватые. не имѣетъ дурного вліянія на волосы. Ц. коробки 1 р. 50 к., съ пересл. въ Европ. Россіи 2 р. Требуется во всѣхъ аптеч. и парфюм. магаз. Россіи.

Гл. складъ у изобрѣтателя: Торговый домъ „Парфюм. Лав. Г. Толлендеръ“, С.Пб., Разъѣзжая, 15.

ТЕАТРЪ „ПАССАЖЪ“

Итальянская, 19.

РЕПЕРТУАРЪ съ 12-го по 18-ое Января 1903 г.

Въ Воскресенье, 12 Января 1903 г.: „ФРИНА“, пер. съ итальянскаго бар. Радосшевской.— Въ Понедѣльникъ, 13-го: 1) „ДВѢ СТРАСТИ“, др. В. В. Протопопова. 2) „ИРЭНЪ“, ком. въ 1 д.— Во Вторникъ, 14-го: „КАЗНЬ“, др. соч. Гр. Н. Ге.— Въ Среду, 15-го: 1) „ДВѢ СТРАСТИ“, др. В. В. Протопопова. 2) „ОНЪ“, др. въ 1 д.— Въ Четвергъ, 16-го: „ФРИНА“, пер. съ итальянскаго, бар. Радосшевской.— Въ Пятницу, 17-го: 1) „ДВѢ СТРАСТИ“, др. В. В. Протопопова. 2) „ОНЪ“, др. въ 1 д.— Въ Субботу, 18-го: „УРТАЛЬ-АКОСТА“, траг. въ 5 д. Гущкова.

Режиссеръ В. М. Яновъ. Дирекція О. В. Некрасовой-Колчинской.

Репертуаръ театровъ Спб. Гор. Попеч. о нар. трезвости.

Народный домъ Императора Николая II.

Въ Воскресенье, 12-го Января: днемъ, въ 1 ч. „ДЕМОНЪ“, опера въ 3 дѣйств. 5 карт. музыка Рубинштейна. Вечеромъ въ 8 час.: „РУССКАЯ СВАДЬБА въ ИСХОДЪ ХУІ ВѢКА“, больш. драм. представ. изъ частной жизни нашихъ предковъ, въ 3 д. и 6 карт., съ пѣніемъ и плясками. соч. П. Сухомлина.— Въ Понедѣльникъ, 13-го: въ 28 разъ „1812 ГОДЪ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“, больш. обстановоч. пьеса въ 5 дѣйств. 9 карт., соч. В. Крылова. Вся новая обстановка. Участвуютъ болѣе 300 человѣкъ.— Во Вторникъ, 14-го: въ 68 разъ „ПЕТРЪ ВЕЛИКИЙ“, истор. хрон. въ 5 д., 13 карт., соч. В. Крылова.— Въ Среду, 15-го: „БОРИСЪ ГОДУНОВЪ“, опера въ 4 д., 8 карт., муз. М. Мусоргскаго.— Въ Четвергъ, 16-го: въ 29 разъ „1812 ГОДЪ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“, больш. обстановоч. пьеса въ 5 дѣйств. 9 карт. В. Крылова. Вся новая обстановка. Участвуютъ болѣе 300 человѣкъ.— Въ Пятницу, 17-го: въ 6 разъ „ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА“, опера въ 4 дѣйств. и 6 карт. Чайковскаго. Вся новая обстановка.— Въ Воскресенье, 19-го: днемъ въ 1 ч., въ 53 разъ „РАЗРЫВЪ ТРАВА“, фантаст. сказ. въ 5 д., 7 карт., Е. Гославскаго. Вечеромъ въ 8 час.: „АСКОЛЬДОВА МОГИЛА“, опера въ 4 дѣйств., 7 карт., муз. Верстовскаго.

ТЕАТРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ

(б. Стеклан. зав.).

Въ Воскресенье, 12-го Января въ 1 разъ „ИДУТЪ ИЛИ ГЕЙЛЬБЕРГСКОЕ ПОДЪ ЗЕМЕЛЬЕ“, драма, въ 5-ти д. и 8-ми кар., пер. съ франц. Родиславскаго.— Въ Среду, 15-го Января: „КЛЯТВОПРЕСТУПНИКЪ“, драма въ 7-ми кар., соч. Яковлева (Гость-Кольцова).— Въ Пятницу, 17-го Января въ 1 разъ „ШЕЙЛОКЪ, ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦЪ“, трагедія въ 5-ти д.; Шекспира.

Начало дневныхъ спектаклей въ 1 часъ, вечера въ 8 часовъ.

Таврический садъ ежедневно съ 12 ч. катокъ и сафговья дѣтскія горы.

По четвергамъ и воскресеньямъ оркестръ музыки. Входъ 10 и 5 коп.

Въ Петровскомъ Паркѣ по воскресн. и праздни. днямъ безплат. народн. гулянья. Ежедневно катокъ, ледяныя горы, катанье на оленяхъ и собакахъ за недорогую плату. Вр. завѣд. театр. частью режис. А. Я. Алексѣевъ.

ПАНАЕВСКІЙ ТЕАТРЪ.

(Дирекція А. И. Иванова и В. А. Казанскаго).

Русская комическая опера и оперетка.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Главный режиссеръ А. Э. Блюменталь-Тамаринъ.

Главный капельмейстеръ Э. Ф. Энгель.

Начало спектаклей въ 8 ч. Касса открыта съ 10 ч. утра.

Театръ „АКВАРИУМЪ“.

РУССКО-ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА

подъ управленіемъ Н. П. ГЛАССЪ.

Въ воскресенье, 12 января, РУССК. СПЕКТ. „КАРМЕНЪ“, Терьянъ-Карсапова Альмари; арт. Имп. теат. Клементьевъ, арт. Имп. театр. Соколовъ; г. Сангурскій).

Гл. капельм. А. Барбини.

Глав. режисс. М. Вронскій.

Начало спект. въ 8 ч. веч. Билеты прод. въ дирекціи (Караванная, 9) ежедневно съ 10—5 ч. дня, а въ день спектакля въ кассѣ театра съ 7 ч. в. только на вечерній спектакль. Билеты вѣятъ на спектакль съ участ. ЛИННЪ КАВАЛЕРИ дѣйствительны только на таковыя; одинъ перваго спект. съ ея участ. будетъ оповѣщено на дняхъ. (Дирек. Ф. Моревъ).

Большой Залъ Консерваторіи:

Итальянская опера.

Въ Воскресенье, 12-го янв. въ 8 ч. в. вѣтъ абонемена. „ФАУСТЪ“ (г-жи Арнольдсонъ; гг. Басси, Кашманъ, Аримонди). Въ Понед., 13-го, въ 8 час. веч. 3 спект. перваго абонемена „ВАЛЪ МАСКАРАДЪ“ (г-жи Виакини-Капелли, Тетрачини, Маркезини; гг. Чекии, Джиральдони, Аримонди, Февля). Въ Среду, 15-го: въ 8 час. веч., четвертый спект. втораго абонемена „ТРАВИАТА“ (г-жи: Арнольдсонъ; гг.: Мазини, Кашманъ и др.). Въ Четвергъ, 16-го: въ 8 час. веч. вѣтъ абонемена „ЭРНАНИ“ (г-жи Виакини-Капелли, Маркезини; гг. Басси, Кашманъ и др.). Въ Пятницу, 17-го: въ 8 час. веч. вѣтъ абонемена „РИГОЛЕТТО“ (г-жи Арнольдсонъ, Маркезини; гг. Мазини, Джиральдони, Аримонди и др.). Въ Воск., 19-го: въ 8 ч. в. вѣтъ абонемена „МИНЬОНА“ (г-жи Арнольдсонъ, Тетрачини; гг. Мазини, Аримонди и др.). Билеты въ кассѣ дирекціи (В. Морская, 13), ежедневно съ 10 ч. утра до 5 час. и въ день спектакля съ 7 час. веч. въ кассѣ театра лишь на вечерній спект.

РУССКАЯ ОПЕРА.

Въ Воскресенье, 12-го янв., въ 1 ч. дня „БОРИСЪ ГОДУНОВЪ“. Во Вторникъ, 14-го: въ 8 час. веч. „ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ“.

Театръ-концертъ „АЛКАЗАРЪ“.

Фонтанка, 13. ☎ Телефонъ № 1968.

ЕЖЕДНЕВНО

!!! Новый артистическій букетъ новинокъ !!!

Дебютъ поразительныхъ танцоровъ Леге, дебютъ извѣст. гимнастокъ сестеръ Роней, извѣст. интернац. пѣв. La Belle Zadora, La Belle Lisi Kitch, пѣв. Бель-моря, пѣв. Демусси, Лили Барекъ, сестры Миль, пѣв. Демиди, Гриси Бексфи, пѣв. Никитиной, пѣв. Монтигилано, ав. куп. г. Воацковскаго, г-жа Маманова, Анна Бене, трио Брунелли, г-жа Александрова, квартетъ Каллаи, хоръ г-жа Болло-киной, малорусская труппа г-жа Искленой, оркестръ г. Штейнбрехера.

Отъ Ярославской Городской Управы.

О сдачѣ городского театра на театральный сезонъ 1903—4 гг.

Ярославская Городская Управа симъ объявляетъ, что ею сдается городской театр на театральный сезонъ 1903—1904 гг. на слѣдующихъ условияхъ:

- 1) Срокъ аренды: съ 1 сентября 1903 года по вторую половину сезона 1904 года.
- 2) Арендная плата за театральный сезонъ 2000 рублей и кромѣ того, на улучшение декораций 500 рублей.
- 3) Сроки уплаты арендныхъ денегъ: при подписаніи договора 1500 рублей и къ 1-му числу октября 1000 рублей.
- 4) Предъ открытіемъ театральнаго сезона арендаторъ обязанъ внести въ кассу Управы 2000 рублей, какъ обезпеченіе исправной уплаты жалованья артистамъ.
- 5) Расходы по постановкѣ пьесъ, поддержаніе чистоты и исправности обстановки зданія, его отопленіе, наймъ прислуги (за исключеніемъ истопника) производятся за счетъ арендатора.
- 6) За пользованіе энергіей для электрическаго освѣщенія театра арендаторъ уплачиваетъ городу по 25 рублей за каждый спектакль, при чемъ плата производится ежемѣсячно. При желаніи, арендаторъ, по освѣщенію театра электричествомъ, можетъ войти въ соглашеніе съ Обществомъ Тяги и Электричества, въ г. Ярославль.
- 7) Право эксплуатаціи вѣшалки предоставляется арендатору.
- 8) Арендаторъ обязанъ дать одинъ спектакль за плату въ 100 рублей въ пользу Комитета о бѣдныхъ города Ярославля и одинъ бесплатный—на сооруженіе въ Ярославль памятника Волкову.

ОБЩІЯ СВѢДѢНІЯ О ТЕАТРѢ.

- 1) Зданіе театра каменное, длиною въ 23 саж. и шириною 13 саж. Стилъ ренессансъ.
- 2) Зрительный залъ 30 кв. сажень съ 4 ярусами; 43 ложами въ трехъ изъ нихъ; 153 креслами, 46 мѣстами за креслами, фойе и двумя помѣщеніями для буфетовъ.
- 3) Сцена въ 50 кв. сажень съ трюмомъ; приспособленіе простое—ручное, декорация, павильонная, арочная и кулисная.
- 4) Инвентарь: мебель—нѣсколько перемѣнъ, драпри, ковры и плафоны.
- 5) Сумма полного сбора въ театрѣ до 500 рублей.

Съ заявленіями о желаніи арендовать театрѣ адресоваться въ Городскую Управу по 1 числу февраля сего года.

№ 5803

1—1

№ 4711

Капто!

„КАПТОЛЬ“

ЛУЧШАЯ ВОДА ДЛЯ ВОЛОСЪ,

ДЛЯ ОЧИЩЕНІЯ, ОСВѢЖЕНІЯ, УКРѢПЛЕНІЯ ГОЛОВНОЙ КОЖИ, ОЖИВЛЕНІЯ НЕРВОВЪ.

ОСОБЕННО ПРОТИВЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ и сопряженной съ нею ЧЕСОТЫ и ВЫПАДЕНІЯ ВОЛОСЪ.

ПРИГОТОВЛЕНА ПО УКАЗЪ.

Д-р мед. Л. ЗИГГОФЪ въ ЗЛБЕРГЕЛЬД-Д-р

КАПТОЛЬ НЕ СОСТАВЛЯЕТЪ СЕКРЕТНАГО СРЕДСТВА.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ФАБРИКАНТЪ

ФЕРД. МЮЛЬГЕНСЪ ЖЕЛЬНЪ-РИГА.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

5600

2—5

ОМСКІЙ

театръ-циркъ свободенъ съ Великаго поста до 20 Октября 1903 года. Сдается гастрольнымъ труппамъ: оперъ, опереткъ, малороссамъ. Обращаться: Омскъ къ владѣльцу театра Петру Козьмичу Сичкареву, Мокрое, свой домъ.

5806

домъ.

2—1

Въ г. Бѣлостокѣ

(почти 100,000 жителей)

въ загородномъ паркѣ Звѣринецъ отдается большой лѣтній театръ, помѣщающій 700 зрителей, на лѣтній сезонъ 1903 года, съ декорациями, мебелью и приспособленіями для керосинового освѣщенія, за мѣсячную аренду 600 рублей.

Адресовать: Бѣлостокъ, Дирекція Трамвая.

№ 5656.

4—3.

ТЕАТРЪ и ПАРКЪ въ Бояркѣ (у Кіева).

Свобод. на лѣт. сезонъ. Элек. освѣщ., всевозм. декор., роскош. обет. Сборъ по обык. цѣн. 500 р. бен. 700. Обр. админ. И. Л. Палюдину. Кіевъ, М. Ва-5802. сильковская 17, кв. 7. 2—1

КИШИНЕВЪ.

Дирекція Благороднаго Собранія приглашаетъ на лѣтній сезонъ 1903 года хорошій оркестръ, съ предоставленіемъ ему права эксплуатаціи сада, въ которомъ имѣется лѣтняя сцена. Садъ лучшій въ городѣ, находится въ центрѣ, освѣщается электричествомъ. Субсидія до двухъ тысячъ руб.

Кафе-шантанъ не допускается.

№ 5655.

3—2.

ДАМСКІЯ ШЛЯПЫ

лучшихъ домовъ Парижа

Мме ВЕЛЛИНЪ.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ.

Владимірскій просп., д. № 3, кв. 10.

5818

52—15

г. ХАРЬКОВЪ.

Вновь открытый Харь-ковскій Малый театръ.

Свободенъ отъ антрепризы предлагается для разовыхъ вечеровъ гастрольныхъ труппамъ и концер-тантамъ. Адресъ: г. Харьковъ, Малый театръ управляющему Г-ду Якушову.

5801

3—1